

ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР ОСЕНЬЮ 1941 г.

В 2011 г. исполняется 70 лет событию, оставившему глубокую незаживающую рану в судьбе этнических немцев России. Речь идет о депортации, которая, наряду с последующей мобилизацией в «Трудовую армию» и введением режима спецпоселения неузнаваемо изменила жизнь подавляющего большинства немецкого населения, положило начало долгим годам их национальной дискриминации.

О причинах депортации

31 июля 1941 г., когда война уже второй месяц шла по территории СССР, в столице АССР немцев Поволжья г. Энгельсе происходил судебный процесс, во всех отношениях необычный. Рассматривалось дело заведующего овцеводческой фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусова, которому вменялся в вину «шовинистический выпад против немцев, живущих в СССР». Суть дела состояла в том, что И. Белоусов в пьяном виде оскорбил своих сослуживцев-немцев, назвав их фашистами. Верховный Суд АССР НП приговорил И. Белоусова к шести годам лишения свободы с последующим «поражением в правах» на 2 года^[1].

Судебный процесс получил широкую огласку, и приговор был, несомненно, суров. Разумеется, в условиях войны в тоталитарном государстве ни сам процесс, ни столь суровый приговор обвиняемому не могли бы состояться без санкции высшего руководства страны.

В данном случае преследовались вполне определённые политические цели. Не только в СССР, но и за рубежом, прежде всего в Германии, люди должны были знать, что в советском социалистическом государстве немецкий фашизм и простых тружеников - немцев не отождествляют, что, несмотря на войну с Германией, советские немцы защищены законом, что интернационализм по-прежнему является важнейшим атрибутом советского образа жизни. То есть судебный процесс, по замыслу его организаторов, должен был внести свою лепту в широкую и массированную контрпропагандистскую кампанию, направленную советским руководством на Германию и её вооружённые силы в первые два месяца войны^[2]. В этой кампании советские немцы и Республика немцев Поволжья играли роль козырной карты.

Шли дни и недели. «Трудящихся» Германии почему-то не прельщала «счастливая, радостная и зажиточная жизнь немцев Поволжья», они не спешили свергать у себя «фашистское иго», как к тому призывали многочисленные воззвания «граждан Немреспублики», штамповавшиеся в партийных органах. В течение июля и августа германская армия продолжала мощное наступление, захватывая всё больше и больше советских территорий. Постепенно фронт приближался к Волге. Стало ясно, что контрпропагандистская кампания провалилась. Примитивные приемы сталинских идеологов не сработали, в том числе и использование немецкой автономии на Волге в качестве «витрины социализма».

Вместе с тем в донесениях партийных и специальных органов, поступавших из АССР НП лично И. Сталину и Л. Берии, нет-нет да и проскальзывала информация об «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываниях отдельных граждан. Это вызывало сильнейшее раздражение советских руководителей. Быстро припомнилась общая нелояльность этнических немцев к большевистской власти, довольно заметно проявлявшаяся в предшествующие годы существования большевистского режима.

Этнические немцы, сохранявшие в своих традициях многие ценности западноевропейской цивилизации, оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к созданному большевиками общественному строю. Специфика их ментальности вызывала, как правило, более негативную реакцию немцев на большевистские эксперименты и действия, более упорное сопротивление попыткам взломать традиционный образ жизни. А это, естественно, приводило к более жестоким карательным мерам со стороны режима.

Основополагающими жизненными ценностями поволжских немцев традиционно являлись собственность, церковь, школа. Как показали исследования многих авторов, именно по этим направлениям оказывалось наиболее ожесточенное сопротивление политике режима, направленной на слом традиционных устоев жизни и навязыванию немцам сомнительных с их точки зрения ценностей сталинского социализма^[3]. Достаточно парадоксальным выглядит полученный в результате ряда исследований вывод, что борьба за сохранение и развитие своей государственности, хотя и имела место, однако в приоритете ценностей оказалась далеко не на первом месте^[4]. С одной стороны, это вызывалось пониманием значительной частью населения эфемерности своих автономных государственных прав, «дарованных» большевистским социализмом; такое понимание опиралось на многочисленные конкретные факты повседневной жизни. С другой стороны, здесь явно сказывается отсутствие традиций жизни поволжских немцев в условиях своей государственности.

Важная особенность борьбы поволжских немцев с властью за сохранение своей идентичности и традиционных устоев жизни заключалась в том, что, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов и попадая в связи с этим в тяжёлое положение, они пытались найти выход из него, используя некоторые свои объективные специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами страны (стремление вернуться на историческую родину, апелляция за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым за рубежом, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за границы и т. д.). Таким образом внутренний социальный конфликт выносился немцами на международный уровень. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим отмеченное, являются «голодные письма» российских немцев в Германию в 1933 г. и получение ими оттуда материальной помощи^[5].

Понятно, что на такие попытки «своих» немцев советское руководство реагировало крайне негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, т. е. «играли на руку мировому империализму». Отсюда – жесткие репрессивные кампании против «фашистов и их пособников», «немецкого национализма» и т. п., принявшие особый размах после прихода к власти в Германии нацистов (1934-1938 гг.)^[6].

К концу 1930-х гг. советскому руководству, несмотря на сопротивление, удалось отобрать у немцев собственность (коллективизация), заменить традиционную школу на советскую, ликвидировать церковь и резко ограничить религиозную жизнь, сделав ее фактически нелегальной. Жестоко пострадала и национальная культура, тесно связанная с религией. Тем самым (несмотря на сохранение определенных условий для существования и развития языка) были подрублены традиционные устои жизни этноса, часть этнических немцев, особенно молодежь, стала разделять новые «социалистические» ценности. Таким образом был осуществлен серьезный шаг на пути к ликвидации национальной самобытности этноса, утере его идентичности.

Вместе с тем, сопротивление поволжских немцев режиму закрепило за ними у советского руководства стойкий имидж нелояльного социализму и власти народа. Вряд ли стоит сомневаться, что это сыграло не последнюю роль при принятии решения о депортации немцев из Поволжья в 1941 г.

С началом войны и особенно после первых серьезных поражений, повлекших за собой потерю огромных территорий, в сознании советского руководства и лично И. В. Сталина все более реальным и грозным стал представляться образ немецкой «пятой колонны» в СССР. И здесь советские руководители не были исключением. К 1941 г. такой страх, имевший определенные основания, принял международный характер. Прогерманский фашистский путч 1934 г. в Австрии, возникновение немецких объединений под знаком свастики практически во всех странах Европы и даже за океаном (особенно в Бразилии), очевидные связи национал-социалистических ассоциаций с Берлином, их, агрессивные выступления в Саарской области, Судетах, Мемеле (Клайпеде) - все это уже задолго до начала войны интенсивно формировало атмосферу недоверия и настороженности по отношению к местным немцам, которых берлинские власти именовали «фольксдойч».

Известный исследователь немецкой «пятой колонны» времен Второй мировой войны Л. де Ионг писал: «Знак свастики всюду был притягательным для лиц немецкого происхождения... Третий рейх, словно магнит, притягивал к себе немцев, разбросанных по всему миру»^[7].

Страх перед «пятой колонной» в ряде стран превращался в антинемецкую истерию (кстати, такая же истерия имела место в России в годы Первой мировой войны^[8]). Особенно широкий размах она имела в Польше, Бельгии, Франции. Руководство многих стран принимало огульные репрессивные меры в отношении населения, этнически родственного противнику. Практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. В Соединённых Штатах Америки на весь период войны были интернированы японцы^[9].

Однако тот же Л. де Ионг в своей книге особо отметил, что исключением были советские немцы: «В Советском Союзе немецкие органы разведки не смогли опереться на помощь немецкого национального меньшинства, так как оно проживало в таких глубинных районах России, что наладить с ним связи оказалось невозможным. Кроме того, некоторые немцы, особенно молодёжь, сочувствовали коммунизму...

Нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. До сих пор не опубликовано никаких документов, подтверждающих выдвигаемые против немцев Поволжья обвинения...

Среди обнародованных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволил бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Чёрного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи»^[10].

К сказанному Л. де Ионгом добавим, что такие документы не были обнаружены и в более поздние годы. Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что данных о каком-либо сотрудничестве советских немцев с фашистской Германией не имела и советская контрразведка. В том, что такое сотрудничество не состоялось, определённую положительную роль сыграли факторы большевистской диктатуры: сильная идеологизированность советского общества, где немцы, в частности, не являлись исключением; интернационализм как элемент официальной советской политики; тотальный контроль коммунистического государства за всеми сторонами жизни каждого отдельного человека; наличие мощного и разветвлённого полицейско-карательного аппарата, непрерывно выискивавшего и жестоко каравшего «врагов народа».

Тем не менее, в ходе боёв и последующей оккупации Причерноморья и некоторых других регионов отдельные факты поддержки этническими немцами оккупантов, их сотрудничества с оккупационными властями в установлении «нового порядка» имели место^[11], о них информировалось и советское руководство. В этой связи особое внимание обращает на себя информация, содержащаяся в донесении командования Южного фронта

Верховному главнокомандующему И.В. Сталину и Главкому Южного направления С.М. Будённому от 3 августа 1941 г.:

«1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам.

Установлено, также, что вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью.

На территории фронта имеется масса населённых пунктов с немецким населением.

2. Просим дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадёжных элементов».

Подписи Тюленев, Запорожец, Романов»

Примечательна резолюция И.В. Сталина на этом документе (бланке шифротелеграммы): «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И.Ст.»^[12]. Ясно, что такое эмоционально-жесткое указание вождя и руководителя государства в условиях чрезвычайной ситуации не могло быть не исполнено.

Представляется, что приведённые донесение и резолюция на нём стали тем окончательным импульсом, который подвиг советское руководство на практическое осуществление депортации немцев.

Это была характерная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом неизбежные негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей – жертв этой акции, в расчет не принимались. Так большевистская власть многократно поступала и раньше^[13], однако на этот раз масштабы проводимой акции оказались беспрецедентными.

Подготовка к депортации. Депортационное законотворчество власти

Длительное время из-за отсутствия доступа к закрытым архивным фондам считалось, что единственным документом, на основании которого было осуществлено выселение немцев Поволжья, является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Однако любой специалист, хорошо знакомый с большевистско-советской системой законотворчества, знает, что первоначальные решения по любому вопросу жизнедеятельности государства и общества принимали партийные органы и лишь затем они «оформлялись в советском порядке», то есть им придавался характер государственного решения. Следовательно, такое важное решение как депортация сотен тысяч людей из Поволжья первоначально должен был принимать высший партийный орган, осуществлявший в то время реальное управление страной – Политбюро ЦК ВКП(б). Так оно и оказалось. Разновидностью отмеченной выше системы законотворчества были совместные партийно-советские постановления. Именно в таком виде оформлялось решение о выселении немцев Поволжья.

В 1991 г. профессор Н. Ф. Бугай в одной из своих публикаций назвал в качестве документа, положившего начало подготовки и проведения депортации постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060 сс от 12 августа 1941 г., заметив, что оно пока не найдено^[14]. К сожалению, другие исследователи депортации поволжских немцев приняли это утверждение за аксиому. Это относится и к автору настоящей статьи^[15]. Однако, проведенное нами позднее фронтальное обследование протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и Особых папок Политбюро за 1941 г. позволяет теперь уверенно утверждать, что никакого постановления от 12 августа 1941 г. о немцах Поволжья не существовало, и вообще, в этот день, накануне и позднее, вплоть до 26 августа, вопрос о депортации поволжских немцев на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) не рассматривался.

Постановление под номером, указанным Н. Ф. Бугаем существует, но оно от 12 сентября 1941 г. и называется «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»^[16]. О нём

речь еще будет идти ниже. Таким образом, ошибка в месяце принятия указанного выше постановления и незнание его содержания внесли существенную путаницу в представления о механизме подготовки и проведения депортации.

Первым документом, поставившим крест на судьбе Республики немцев Поволжья стало Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»^[17].

Некоторые историки утверждают (к сожалению, без ссылки на документы), что принятию решения о депортации немцев из Поволжья предшествовали визиты в Немреспублику в июле 1941 г. Л. Берии и В. Молотова и встреча их с партийным руководством автономии, в результате которых и был якобы сделан вывод о необходимости депортации немцев Поволжья^[18]. Автору настоящей статьи не удалось найти документального подтверждения этим фактам. Более того, тщательный анализ документов ЦК ВКП(б), обкома ВКП(б) АССР НП периода июля - сентября 1941 г., как и документов 4-го спецотдела МВД СССР, ведавшего вопросами спецпереселений, позволяет выразить серьезные сомнения относительно того, что такой факт (визит Л. Берии и В. Молотова в АССР НП) вообще имел место.

Несомненно, что в высшем руководстве страны идея депортации немцев из Поволжья созрела раньше 26 августа, однако местным органом власти, в том числе и управлением НКВД до середины последней декады августа никакой информации об этом не сообщалось. Это видно хотя бы из того, что 14 августа 1941 г. Нарком внутренних дел АССР НП майор госбезопасности В. Губин представил на утверждение бюро обкома ВКП(б) Немреспублики список сотрудников, рекомендовавшихся им на должности начальников кантональных отделов милиции, которые одновременно становились заместителями начальников НКВД (в связи с объединением НКВД-НКГБ). Из 19 кандидатур - 11 являлись немцами. Следовательно, 14 августа майор В. Губин ещё и не подозревал о существовании в верхах решения о депортации немцев из Поволжья^[19]. В этой связи вызывают сомнения воспоминания некоторых переселенцев о том, что о предстоящем переселении им было известно за несколько месяцев до опубликования Указа от 28 августа^[20].

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. весьма пространно (на шести листах) и, вместе с тем, предельно конкретно. В первом же пункте без всяких предисловий и объяснений указано:

«1. Переселить всех немцев из Республики немцев Поволжья и из областей Саратовской и Сталинградской в следующие края и области:

Красноярский край — 70000 чел.

Алтайский край — 91000 чел.

Омская обл. — 80000 чел.

Новосибирская обл. — 92000 чел.

К(азахская) ССР — 100000 чел.,

в том числе:

Семипалатинская обл. — 10000 чел.

Акмолинская обл. — 20000 чел.

Северо-Казахстанская обл. — 20000 чел.

Кустанайская обл. — 16000 чел.

Павлодарская обл. — 18000 чел.

Восточно-Казахстанская обл. — 16000 чел.

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей»^[21].

Во втором пункте постановления руководство переселением немцев возлагалось на НКВД СССР, ему предоставлялось право «привлекать к работе по переселению» другие

наркоматы: Земледелия, Совхозов, а также Переселенческое Управление при Совнаркоме СССР.

Далее в постановлении определялся механизм переселения, порядок организации и проведения его основных этапов, задачи наркоматов, их отделов и ведомств, местных органов власти по осуществлению депортации немцев Поволжья.

Переселение на новые места надлежало осуществлять как путём «довселения целых колхозов в существующие колхозы и совхозы, так и путём отдельного расселения переселяемого колхоза». Для этого предписывалось использовать все пустующие дома в сельских местностях, при необходимости «уплотнять» живущих там людей. Предлагалось также производить строительство новых домов силами самих переселенцев. Городских жителей можно было поселять в районных центрах и всех городах, за исключением областных.

Переселяемым разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие, всего весом до одной тонны на семью. Принадлежавшие же им постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были оставаться на месте и сдаваться по оценочному акту специальным комиссиям. Оставленное недвижимое имущество, продовольствие и скот (кроме лошадей) подлежало «восстановлению» колхозу, колхозникам и единоличникам на новом месте по специальным обменным квитанциям, «за вычетом полного покрытия обязательств по государственным поставкам за 1941 г. и недоимок прошлых лет».

Народный комиссариат заготовок должен был принять от выселяемых хозяйств зерно, фураж и другие продовольственные культуры и компенсировать их путём выдачи «натурой» на новых местах поселения такой же сельхозпродукции, но не более трёх центнеров на человека. Народным комиссариатам земледелия, молочной и мясной промышленности надлежало организовать приём и временное содержание оставляемого переселенцами скота, при этом разрешалось для ухода за скотом привлекать студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов, учащихся школ, а также, в порядке трудовой повинности, колхозников близлежащих ненемецких колхозов. Эти же наркоматы в местах вселения в течение 1941-1942 гг. должны были обеспечить переселяемых колхозников и колхозы скотом. Разрешалось взамен взрослого скота выдавать переселяемым молодняк с денежной компенсацией за разницу стоимости взрослого скота и молодняка.

На партийных и советских руководителей Казахстана и всех упоминавшихся в п. 1 постановления краёв и областей, куда должны были переселяться немцы, возлагалась задача организации приема переселенцев на станциях разгрузки, перевозки их до места расселения и обустройства их в городах и селах. При этом разрешалось мобилизовывать нужное количество авто- и гужевого транспорта для перевозки переселенцев.

Питание и медицинское обслуживание переселяемых в пути возлагалось соответственно на Наркомторг и Наркомздрав СССР. На проведение всей операции НКВД СССР получал аванс - 20 млн. руб. из резервного фонда Совнаркома СССР.

Пункт 17 постановления гласил: «К переселению приступить с 3 сентября 1941 г. и закончить 20 сентября 1941 г. НКВД СССР к 1 сентября представить в СНК СССР и ЦК ВКП(б) план переселения, предложения о материально-техническом обеспечении жилищного и хозяйственного строительства для переселяемых колхозов»^[221].

Следующий пункт постановления определял: «перевозку переселяемых из Республики немцев Поволжья и Саратовской области произвести по железной дороге, а из Сталинградской области - водным путём через Гурьев». Соответственно, народные комиссариаты путей сообщения, морского флота и речного транспорта получили задачу произвести перевозку всех переселяемых в срок с 1 сентября по 16 октября, организовав подачу вагонов и пароходов по графику, составленному совместно с НКВД^[231].

В заключение постановления Совнарком РСФСР и Переселенческое управление при Совнаркоме СССР обязывались в трёхдневный срок представить в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) предложения о порядке использования остающегося после переселения

немцев из Поволжья имущества «в целях расселения колхозников, эвакуируемых из фронтовой полосы»^[24].

В качестве приложения к постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа ведомством Л. Берии были разработаны и утверждены высшими партийным и советским исполнительными органами «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»^[25] и «План переселения жителей немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей»^[26]. Эти документы, во многом повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в ряде моментов уточняли и конкретизировали его.

Инструкция, в частности, определяла:

непосредственное проведение операции по переселению возлагается на оперативные группы сотрудников НКВД и милиции, подчинённые ответственному руководителю операции по району (представитель НКВД СССР). К оперативным группам придаются специальные войсковые подразделения. Руководитель операции по району создаёт из выделенных ему сотрудников оперативные группы соответственно количеству колхозов и населения в районе;

оперативные группы приступают к подготовительной работе по переселению (составлению списков переселяемых, сбору и упаковке вещей, приёму имущества, остающегося на хранение представителям местных советов трудящихся) одновременно – 30 августа 1941 г.;

начальники оперативных групп районов за три дня до отправки переселяемых передают представителям местных органов власти, привлекаемым к проведению операции, списки лиц, подлежащих переселению, для объявления переселяемым под расписку и предупреждение о подготовке к отправке. Извещение об этом должно быть произведено каждой переселяемой семье в отдельности. Сбор всякого рода собраний и коллективное обсуждение вопросов, связанных с переселением, жителям, подлежащим переселению, не разрешается;

члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут по их согласию следовать с остальными членами семьи;

если отдельные члены семей, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в командировке, на излечении и т. п.), по возвращении они направляются к месту нового жительства семьи;

члены семей военнослужащих Красной Армии рядового состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество в первоочередном хозяйственном и бытовом устройстве;

в отношении сотрудников НКВД - немцев по национальности вопрос должен разрешаться персонально в НКВД СССР по представлению местных управлений НКВД;

переселяемым должен быть предоставлен определённый до отправки срок для сбора, упаковки и реализации имущества и других дел, связанных с переселением;

начальники оперативных групп НКВД в районах должны составить чёткий план вывоза переселяемых к месту погрузки, увязав его с графиком подачи эшелонов и водного транспорта, при этом должны быть исключены простои подвижного состава;

для перевозки женщин и детей переселяемых, а также для доставки вещей необходимо использовать колхозный транспорт (автомшины, лошадей);

все личные вещи, принадлежащие переселяемым и отправляемые в выделенных багажных вагонах, должны быть маркированы. Для приёма и выдачи багажа следует выделить специальных ответственных лиц из числа переселяемых;

списки подлежащих переселению составляются начальниками оперативных групп НКВД района в 3-х экземплярах: для начальника эшелона, местного исполкома Советов трудящихся и представителю НКВД;

начальники областных управлений НКВД назначают из числа оперативного состава НКВД начальника эшелона и заместителя - среднего командира конвойных войск НКВД, в качестве оперативного резерва на каждый эшелон назначается по 22 бойца конвойных войск;

в местах погрузки на железнодорожных станциях и пристанях должно быть организовано размещение и обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава либо водного транспорта;

в указанных выше местах назначаются начальники погрузочных пунктов из состава сотрудников транспортных органов НКВД, которые несут ответственность за своевременную подачу эшелонов, погрузку людей, имущества и отправление эшелонов по установленному графику;

переселяемые должны быть предупреждены, что им следует брать с собой запас продовольствия из расчёта на 20 дней. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдаётся один раз в сутки и кипяток - два раза в день - бесплатно. Оплату за питание производит начальник эшелона;

УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс на расходы по питанию переселяемых и другие нужды (телеграфные и т. п.), исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути;

каждый эшелон должен сопровождаться медперсоналом в составе: врача, двух медсестёр в специально отведённом санизоляторе. Медикаменты и необходимый инструментариий выделяется органами Наркомздрава;

при проведении операции по переселению в городах, кроме указанных выше мероприятий, необходимо: тщательно установить адреса лиц, подлежащих переселению, составить порайонный план вызова, увязав его с графиком подачи подвижного состава или водного транспорта, оформить опечатывание квартир переселяемых, а также передачу остающегося нереализованного имущества под ответственность домоуправлений;

для создания централизованного учёта переселяемых организовать в местах отправления (в областных и республиканских центрах), а также в местах расселения - справочные картотеки^[27].

План переселения жителей немецкой национальности Поволжья, повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, определял какое количество людей, откуда и куда переселить, правила приема и хранения оставляемого имущества, график перевозки в эшелонах и водным транспортом, порядок встречи эшелонов и распределения переселяемых в новых местах жительства. В нём содержались и некоторые конкретные данные. В частности, указывалось:

для руководства операцией по переселению немцев в Республику немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области направлена оперативная группа НКВД во главе с заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР И. Серовым;

для проведения операции по переселению командированы: в Республику немцев Поволжья 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции; в Сталинградскую область - 100 сотрудников НКВД, 250 работников милиции; в Саратовскую область - 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции;

для войскового обеспечения операции по переселению немцев в Немреспублику, Саратовскую и Сталинградскую области направлены войска НКВД в количестве: в АССР НП - 7250 красноармейцев, в Саратовскую область - 2300 красноармейцев, в Сталинградскую область - 2000 красноармейцев;

переселенцы будут перевозиться в 198 эшелонах, в каждом эшелоне 65 вагонов по 40 человек в вагоне. Общее количество вагонов для перевозки составляет 12875. Из Сталинградской области 24700 человек будут перевозиться водным транспортом до Астрахани, от Астрахани паромом до Гурьева и далее по железной дороге к местам расселения^[28].

Следует особо отметить, что в тот же день, 26 августа, в Немреспублику и соседние с ней области, откуда надлежало выселять немцев, были направлены части войск НКВД:

в г. Энгельс - 32-й полк оперативных войск (1500 чел.), 174-й и 175-й отдельные батальоны оперативных войск (соответственно 400 и 500 чел.), резервная группа войск (1 тыс. чел.), 226-й и 240-й полки конвойных войск (по 1500 чел. каждый), 60-й полк внутренних войск (600 чел.) и батальон от 29-й бригады внутренних войск (500 чел.); в Саратов - 238-й полк конвойных войск (1000 чел.) и курсанты местного военного училища НКВД (1300 чел.); в Сталинград - 33-й полк оперативных войск (1500 чел.) и 230-й полк конвойных войск (1000 чел.). Таким образом, к участию в операции по переселению немцев из Поволжья привлекалось 12350 человек личного состава различных частей и подразделений войск НКВД^[29]. Никаких танков и артиллерии при выселении не использовалось, как об этом пишут в своих воспоминаниях некоторые выселенцы^[30].

Начальниками войсковых групп были назначены: в Энгельс - комбриг Кривенко, в Саратов - полковник Воробейков, в Сталинград - комбриг Сладкевич. Общее руководство частями войск НКВД, задействованными на обеспечении операции по переселению немцев из Поволжья, возлагалось на генерал-майора Ачкасова, который поступал в непосредственное подчинение заместителю Наркома внутренних дел И. Серову.

О том, что войска направлены в Энгельс, Саратов и Сталинград именно 26 августа, доложил Наркому внутренних дел СССР Л. Берии исполнявший обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майор Аполлонов^[31]. То есть отправка войск в районы выселения немцев была осуществлена до официального введения в действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа или по крайней мере одновременно с ним. Таким образом, с высокой степенью точности можно заключить, что подготовка к операции по выселению немцев из Поволжья органами НКВД начала проводиться ещё до 26 августа. Очевидно, они разработали и предложили этот проект И. Сталину, а потому начали его реализовывать ещё предварительно, на основе конкретных распоряжений Л. Берии.

27 августа 1941 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа было уже доведено до партийных и советских руководителей АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей. Получив постановление, они провели 27 августа экстренные заседания и приняли постановления, как две капли воды похожие друг на друга. Разными были только фамилии конкретных исполнителей, которым надлежало заниматься депортацией немцев^[32].

В первом пункте постановлений обкомов выражалось полное одобрение решения Центра о депортации немцев и объявлялось о принятии его к неуклонному исполнению. Далее по сути дела шёл пересказ постановления от 26 августа с небольшими добавлениями, касавшимися конкретных мер по его исполнению. Партийным организациям всех уровней предписывалось «подключиться» к мероприятиям для оказания «активной помощи» органам НКВД.

Партийным руководством АССР НП было разработано специальное приложение к постановлению бюро обкома, в котором подробно расписывалось, какое количество ненемецкого «трудового контингента» из каких кантонов (районов) и в какие покидавшиеся немцами сёла следовало направить для ухода за скотом. Всего туда планировалось направить 17250 человек, из них: переместить внутри кантонов из русских сел в немецкие 4560 чел., из г. Энгельса - 4580 чел., из соседних районов Саратовской области - 5 тыс. чел. Остальные работники перемещались из русских кантонов в бывшие немецкие кантоны^[33].

В тот же день, 27 августа, Нарком внутренних дел СССР, он же Генеральный комиссар государственной безопасности СССР Л. Берия издал приказ № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»^[34], в котором повторялись пункты

«Плана переселения...», касающиеся главных руководителей операции и количество привлекавшихся для ее осуществления сил. Далее Нарком внутренних дел требовал:

на основании агентурно-оперативных материалов местных органов НКВД учесть «антисоветский элемент» и перед операцией арестовать его, а семьи переселить в общем порядке;

перед началом операции совместно с советско-партийным активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семьи они будут наказаны в уголовном порядке, а остальные члены семей будут репрессированы;

в случае отказа отдельных членов семейств, подлежащих переселению, выехать к месту расселения, таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке;

предупредить «весь оперативно-чекистский состав», что при операции он «должен действовать без шума и паники. В случае возникновения волынок, антисоветских выступлений или вооружённых столкновений принимать решительные меры к их ликвидации».

Для координации всей работы по переселению, перевозке и расселению приказом Л. Берии создавалась специальная группа во главе с ещё одним заместителем Наркома внутренних дел - В. Чернышевым. Ответственному за проведение операции в местах выселения - заместителю Наркома И. Серову предписывалось о подготовке и проведении операции ежедневно, начиная с 1 сентября, информировать Наркома^[35].

Таким образом, ещё до 28 августа 1941 г. операция по депортации немцев из Поволжья была спланирована, исполнители на всех уровнях подобраны, назначены и подробно проинструктированы, проработано материальное обеспечение операции (транспорт, питание в пути, жильё на новом месте и т. п.), а весь партийно-советский, административный и полицейский аппарат на местах был готов к осуществлению выселения немцев. Однако необходимо было придать готовившемуся гигантскому по масштабам репрессивному мероприятию против целого народа хоть в какой-то степени «законный» характер. Именно поэтому, как представляется, и появился уже задним числом известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»^[36], на котором стоит остановиться подробнее.

Проект этого указа был рассмотрен и утверждён на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 августа 1941 г.^[37] Если учесть что этот вопрос в повестке заседания Политбюро в тот день значился далеко не первым, а само заседание началось поздно вечером, почти ночью, то указ обсуждался и утверждался высшим партийным органом, скорее всего, уже в первые часы 29 августа. Между тем, дата принятия Указа Президиумом Верховного Совета СССР также значится 28 августа. Отсюда представляется весьма сомнительным, чтобы имел место сам факт заседания Президиума Верховного Совета СССР по вопросу о депортации, тем более 28 августа. По всей видимости, после утверждения указа на Политбюро, он был подписан М. Калининым и А. Горкиным, и на этом вся процедура принятия документа завершилась. Подобная практика работы высшего советского руководства в годы войны была обычным явлением. Таким образом, можно утверждать, что недоброй памяти указ от 28 августа 1941 г. не только попирает Конституции СССР, РСФСР и АССР НП своим содержанием, но и сама процедура его подготовки и принятия произошла с грубым нарушением конституционных норм.

При внимательном прочтении этого документа возникает ощущение, что его составители больше руководствовались эмоциями, которые затмили элементарный здравый смысл. В Указе высочайшей степени концентрации достигли все самые отвратительные черты политики глубоко антинародного сталинского режима: лицемерие, демагогия, прямая грубая откровенная ложь, попрание всех нравственных и гуманных принципов, пренебрежение к судьбе как целого народа, так и каждого человека в

отдельности (в один миг целый народ и каждый отдельный советский немец, где бы он ни проживал, что бы ни делал и сколько бы ему ни было лет отроду, официально становились изменниками и предателями родины).

Первые два абзаца Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» дают идеологическое и политическое обоснование решения о депортации. Для любого профессионала того времени: партийного, советского работника, представителя карательного аппарата, военного специалиста - был вполне ясен бредовый характер заявления о том, что среди 400-тысячного немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, *«имеются тысячи и десятки тысяч (выделено нами. - А. Г.) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья»*. В партийно-полицейском государстве с его гипертрофированными органами политического сыска и беспредельно раздутым карательным аппаратом, где каждый человек находился «под колпаком», где существовала разветвленная система тайных осведомителей, где поголовно всё население из года в год натаскивалось на поиске «врагов народа», такое (чтобы едва ли не каждый десятый немец, включая грудных младенцев, был шпионом или диверсантом) было просто невозможно. Вот почему вполне уверенно можно заявить, что первые абзацы указа были обращены прежде всего к советскому обывателю и рассчитаны на разжигание массовой ненависти к немцам Поволжья и других регионов. Это наглядно подтверждает второй абзац указа, где поволжским немцам прямо предъявляется обвинение в измене: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти».

Итак, немцы Поволжья - изменники Родины, шпионы и диверсанты. Но несмотря на это, Советское руководство проявляет трогательную заботу о них, что видно из третьего и четвёртого абзацев Указа: «В случае, если произойдут диверсионные акты... случится кровопролитие и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...». Переселяемым обещали государственную помощь по устройству в новых районах, «изобилующих пахотной землей».

Распоряжением прибывшего в Саратов и Энгельс для руководства операцией по депортации И. Серова (получившего личное указание Л. Берии) республиканские газеты «Нахрихтен» и «Большевик» опубликовали Указ 30 августа^[38], и сразу же глубокий разлом отчуждения пролёг между немцами и другими народами Немреспублики. Резко изменилась и официальная политика в отношении немцев.

2 сентября 1941 г. первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП С. Малов направил специальную докладную записку Сталину, в которой охарактеризовал политическую обстановку в Немреспублике после обнародования Указа от 28 августа. По словам С. Малова, «подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьёзных мер по укреплению тыла...»^[39]. В качестве подтверждения вышесказанному в докладной записке приводятся «высказывания трудящихся» откровенно шовинистического характера, грубо оскорблявшие немецкое население Поволжья. В частности, «один рабочий» заявил: «Да, вот теперь они (т. е. немцы. - А. Г.) запоют не так. Пусть и туда поедут так же дружно, как они старались втирать свою немчуру вокруг! Теперь я спокойно могу пойти на фронт, зная, что моя семья будет вне опасности от внутреннего врага»^[40].

Лиц, допуская подобных высказывания, ещё месяц назад привлекали к уголовной ответственности (вспомним дело Белоусова), теперь же эти люди объявлялись патриотами.

«Со стороны значительной части немецкого населения, - продолжает С. Малов, - опубликование Указа вызвало враждебное отношение, всячески подогреваемое контрреволюционными и профашистскими элементами. Высказывания по поводу Указа со стороны немцев сводятся, главным образом, к попыткам опровергнуть утверждение о том, что немецкое население скрывает в своей среде врагов Советского народа, Советской власти»^[41].

Далее первый секретарь Немобкома сообщает, что после опубликования Указа от 28 августа «заметна активизация контрреволюционных элементов и усиление антисоветской и профашистской пропаганды. Активизация контрреволюционных элементов идёт по линии высказываний пораженческого характера, попыток насаждения паники и распространения провокационных слухов, а также по линии призыва к диверсиям и сопротивлению переселению»^[42].

Из множества примеров, приводимых С. Маловым в подтверждение сказанного, выберем несколько наиболее типичных. Служащий Кобер заявил: «Этого нужно было ожидать, так как Гитлер крепко зажимает русских в свои руки. В скором времени германские войска подойдут к Сталинграду, а от Сталинграда недалеко до города Энгельса. Вот почему нас, немцев, и переселяют». Служащий Беймлер высказал такую мысль: «Да, о чём мечтал царизм? О переселении немцев в Сибирь. Теперь это осуществляется»^[43]. Приведённые выше «пораженческие и антисоветские» высказывания представляются вполне нормальной реакцией на Указ, попыткой осмыслить создавшуюся ситуацию.

С. Маловым приводятся и более резкие высказывания, свидетельствующие об озлобленности некоторой части жителей Немреспублики, вызванной решением о переселении. Так, жительница с. Мариенфельд Анна-Мария Флеер «в присутствии большого числа граждан села около сельского магазина» в сердцах заявила: «Хоть бы всё сгорело и всё погибло скорее, События на фронте развиваются очень медленно. Нужно было бы скорее покончить с советской властью. Нужно, чтобы немцы и сюда прилетели бомбить, чтобы всё здесь сгорело»^[44].

Партийный секретарь приводит также высказывания людей, желавших поражения Красной Армии и быстрого прихода на Волгу германских войск.

Вместе с тем в докладной записке не приводится ни одного примера патриотического труда поволжских немцев на благо победы над фашистами, хотя до 28 августа в каждом из периодически отправлявшихся в Центр донесений таких примеров был не один десяток, а тот же С. Малов всего за несколько дней до того в подобной же докладной записке писал, что «политическое настроение трудящихся Республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»^[45].

Нарисованную С. Маловым картину положения дел в АССР немцев Поволжья после опубликования Указа от 28 августа дополняет И. Серов своими донесениями в адрес Л. Берии. В частности, он отмечает, что после выхода местных газет с текстом Указа «имели место заявления о разводе со стороны русских женщин, состоящих замужем за немцами, с целью избежать переселения. Мною дано указание включить их в списки на переселение»^[46]. За 29-30 августа было арестовано: по АССР НП – 23, по Саратовской области – 23 и по Сталинградской области - 35 человек, планировалось продолжение арестов «антисоветских» и «фашистских» элементов.

С 29 августа на местах участковыми оперативными группами началось спешное составление учётных карточек на выселявшиеся немецкие семьи. В тот же день войска

НКВД, прибывшие в Немреспублику, завершили дислокацию в указанных населённых пунктах^[47].

Изгнание немецкого населения из Поволжья

Операция по выселению немцев из Поволжья началась в день опубликования в местных газетах Указа от 28 августа и проводилась очень жёстко и энергично. Об этом можно судить из донесений на имя Наркома внутренних дел Л. Берии, которые ежедневно направлялись в Москву оперативной группой НКВД, осуществлявшей выселение.

В особенно тяжелые условия были поставлены люди, отправлявшиеся в первых эшелонах. Им пришлось в страшной спешке сдавать имущество и собираться в путь буквально за одни сутки - 31 августа. Это были в основном жители Покровска, Красного Кута, Гмелинки, Палласовки и других населённых пунктов, где имелись железнодорожные станции, а также жители близлежащих сёл.

Погрузка в эшелоны началась 1 сентября. В дальнейшем (так было спланировано) последовательность погрузки в эшелоны определялась расстоянием сёл до станций погрузки. Жители более близких к станции сел вывозились в первую очередь. Передвижение к станциям погрузки осуществлялось, как правило, на автомобилях и гужевым транспортом. Очень часто из-за нехватки транспорта мужчинам приходилось идти пешком. В ряде случаев, когда расстояния до станций были большими, задействовался и водный транспорт. Например, жители ряда сёл Добринского и Бальцерского кантонов доставлялись к пристаням Нижняя Добринка, Русская Шербаковка, Ахмат и оттуда на пароходах и баржах транспортировались на станцию Увек (пригород Саратова), где грузились в эшелоны. Аналогично доставлялись к станции Покровск (г. Энгельс) некоторые жители Маркштадта, Маркштадтского, Унтервальденского, Зельманского кантонов^[48].

3 сентября с десяти станций были отправлены в соответствии с графиком первые 10 эшелонов. При погрузке не делалось никаких исключений ни для кого. Бывшие партийно-советские руководящие работники немецкой национальности всех рангов ехали на общих основаниях в одних вагонах с рядовыми гражданами. К примеру, среди пассажиров первого эшелона, отправившегося со станции Гмелинская 3 сентября (эшелон № 822), находился бывший председатель Гмелинского кантисполкома Д. Унгефуг^[49]. Всего же из Гмелинского кантона немцы были вывезены в 5 эшелонах, причём последний эшелон из Гмелинки ушёл 8 сентября^[50]. Казалось бы, кому, как не председателю кантисполкома с его опытом работы и знанием обстановки, организовывать и проводить все мероприятия по передаче имущества колхозов, передвижению и погрузке. Однако в его услугах уже не нуждались. Аналогичная ситуация складывалась по всей Немреспублике.

Все руководящие работники немецкой национальности практически на следующий день после опубликования Указа о переселении в местных газетах, то есть с 31 августа, были негласно отстранены от исполнения своих служебных обязанностей. Многие это сделали демонстративно-добровольно. В частности, И. Серов в донесении от 30 августа проинформировал Л. Берия, что в тот же день, сразу после выхода газет с текстом указа, к первому секретарю обкома ВКП(б) Немреспублики С. Малову явился председатель Совнаркома АССР НП А. Гекман и «поставил вопрос о своём освобождении, так как его дальнейшие распоряжения не будут авторитетными». Просьба была удовлетворена^[51]. Официально же в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. все должностные лица немецкой национальности были освобождены от исполнения своих обязанностей 5 сентября постановлением бюро обкома ВКП(б), среди них - тот же А. Гекман, а также К. Гофман - председатель Президиума Верховного Совета АССР НП, Г. Корбмахер - 3-й секретарь Немобкома и другие^[52].

Говоря о высших руководителях Немреспублики - немцах, следует отметить, что для них в нравственном плане пережить происшедшее падение с вершин власти вниз оказалось делом непростым. У некоторых, очевидно, наступило прозрение, а может быть их дальнейшие поступки определяла просто обида. Как бы там ни было, 16 сентября 1941 г. решением бюро Энгельсского горкома ВКП(б), теперь уже Саратовской области, были заочно (после выселения) исключены из рядов ВКП(б) А. Гекман и Г. Корбмахер за действия, «имеющие характер антисоветской демонстрации, направленные на дискредитацию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа...»^[53].

Что касается рядовых граждан немецкой национальности, то они, несмотря на обиду, возмущение, «антисоветские», «пораженческие» и «повстанческие» разговоры, в целом покорились судьбе. По данным органов НКВД, по всей Немреспублике не оказалось ни одной семьи, которая отказалась бы переселяться. В Сталинградской области «уклонялись» от переселения 2-3 семьи, в Саратовской области отказывались переселяться 3 семьи, да и то, как потом выяснилось, они лишь «ходатайствовали об оставлении»^[54].

С каждым днём нарастало число эшелонов с переселенцами, отправлявшимися из Немреспублики, увеличивалось число станций погрузки. Всего для погрузки немцев использовалась 31 станция, в том числе 16 - за пределами Немреспублики (Саратов, Увек, Камышин, Медведица, Неткачёво и др.). Нагрузка на станции была распределена неравномерно. Наибольшее число эшелонов - 46 (108,8 тыс. чел.) - было загружено и отправлено со станции Покровск. В отдельные дни (8, 16, 17 сентября и др.) со станции отправлялось по 5 и более эшелонов с переселенцами. Значительную нагрузку испытывала станция Увек. С неё был отправлен 21 эшелон (48,7 тыс. чел.). Особенно интенсивно погрузочные работы начали проводиться здесь с 14 сентября, когда стали подходить колонны переселенцев Бальцерского кантона, многим из них пришлось пройти пешком по 60-80 км. Из Саратова было отправлено 13 эшелонов, из Медведицы - 10. Со всех других станций было отправлено меньшее число эшелонов — от 1 до 9^[55].

В ходе операции по выселению имели место отдельные сбои. В частности, из-за прошедших дождей часть переселенцев прибыла на станции погрузки с опозданием, поэтому несколько эшелонов отправились в путь позже назначенного срока. Имели место срывы в своевременной подаче эшелонов под погрузку. Особенно грешило этим Управление Пензенской железной дороги (станции Медведица, Лапшинская и другие). Через 3-4 дня после начала операции по выселению на железных дорогах Саратовской области и АССР НП образовались пробки. Так, 8 сентября из 61 эшелона, отправленного с 3 сентября, 31 эшелон всё ещё находился недалеко от станций погрузки. Пробки были ликвидированы жёсткими мерами органов НКВД^[56].

6 сентября 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление, а 7 сентября Президиум Верховного Совета СССР - аналогичный Указ - «Об административном устройстве территорий бывшей Республики немцев Поволжья»^[57]. В соответствии с этими документами территория Немреспублики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. В состав Саратовской области вошли г. Энгельс, пос. Красный Текстильщик и 15 кантонов (Терновский, Марксштадский, Красноярский, Унтервальденский, Мариентальский, Гнаденфлюрский, Фёдоровский, Экгеймский, Красно-Кутский, Лизандергейский, Зельманский, Куккусский, Бальцерский, Золотов-ский, Каменский), в состав Сталинградской области - 7 кантонов (Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский).

После ликвидации республиканской администрации и перехода бывших кантонов, а теперь районов, в подчинение Саратовской и Сталинградской областей, после замены немцев в кантональных администрациях отношение к переселяемым немцам стало еще хуже, проведение самой операции - еще жестче. Характерный пример: не успел Саратовский обком ВКП(б) получить под свою власть бывшие немецкие кантоны, как тут же отдал распоряжение снять весь рабочий скот (лошадей, волов) с перевозки к станциям

погрузки и отправить его на сельхозработы. Особенно больно это решение ударило по Бальцерскому кантону, где, как уже отмечалось, выселяемым приходилось преодолевать большие расстояния до станций погрузки. После снятия скота с перевозок в этом кантоне на вывозе немецкого населения осталось лишь 7 автомобилей. Потребовалось вмешательство органов НКВД с напоминанием о «необходимости выполнения решения правительства о переселении немцев в точно установленные сроки», чтобы Саратовский обком направил в кантон дополнительное количество машин^[58]. Однако и после этого транспорта не хватало, и значительной части переселенцев, включая женщин и детей, пришлось преодолевать десятки километров пешком.

13 сентября 1941 г. И. Серов доложил Л. Берии, что в связи с предстоящим окончанием операции им разработана директива для управлений НКВД Саратовской и Сталинградской областей «о порядке дальнейшего выявления и направления к местам расселения лиц немецкой национальности». Выявление немцев надлежало проводить путём проверки документов на железнодорожных станциях, водных пристанях, пунктах переселения беженцев, в паспортных столах при прописке и т. п. «Выявленным лицам немецкой национальности, - указывал И. Серов, - органы милиции объявляют, что они обязаны выехать в Казахскую ССР, и в паспорте записывают, что владелец паспорта имеет право на жительство только в областях, перечисленных приказом НКВД СССР. Таким образом, немцы будут вынуждены ехать в указанные места, так как с такой записью в паспорте его нигде в другом городе не пропишут»^[59]. Замечательное изобретение Серова! Как оно облегчало жизнь государственного и полицейского аппарата, сколько средств сэкономило! Советские немцы, точно волки, обложенные красными флажками, сами вынуждены были направляться туда, где бы их хотело видеть советское руководство.

Завершилась операция по выселению немцев 20 сентября. В этот день были загружены и отправлены из Покровска и Увека последние 3 эшелона. Причём один из них (эшелон № 815) несколько задержался и отправился со станции Увек уже после 24.00 20 сентября. Однако во всех сводках, направленных в Центр, об этом не сообщалось^[60].

В ходе проведения операции были потери. На станциях погрузки из-за антисанитарных условий заболело и умерло три ребёнка, не смог дойти до станции и умер в пути больной туберкулёзом. В это же время родилось трое детей. В целях «профилактики» органами НКВД по АССР НП, Саратовской и Сталинградской областям было арестовано 349 человек, признанных «антисоветскими элементами»^[61].

Общее количество погруженных в эшелоны и направленных в Сибирь и Казахстан немцев из АССР НП, Саратовской и Сталинградской области точно назвать невозможно, поскольку в разных документах НКВД сведения о переселенцах имеют расхождения в пределах нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч людей. Этот разнобой нашёл своё отражение и в публикациях различных авторов^[62].

Проанализировав документы 4-го спецотдела НКВД, касающиеся депортации немцев из Поволжья, автор настоящей статьи подготовил списки всех 188 эшелонов, осуществлявших перевозку немцев из Поволжья с указанием численности каждого из эшелонов как в момент убытия из Поволжья, так и в момент прибытия в пункт назначения. (Приложения 1 и 2). Согласно этим данным всего из Поволжья в Сибирь и Казахстан было отправлено 451986 человек, прибыло к месту назначения – 440238 человек.

Среднее арифметическое двух этих чисел даёт нам величину – 446112 человек. Она практически совпадает с официальными данными НКВД о переселённых из Поволжья немцах, доложенными в Политбюро ЦК ВКП(б) – 446480 человек. Разница – 368 чел. Если разделить её на количество эшелонов – 188, величина погрешности составляет всего 1,9 чел. на эшелон. Это мизер, если учесть, что эшелоны перевозили по несколько тыс. человек. Отмеченное совпадение позволяет предположить, каким образом в НКВД было получено общее число переселённых немцев. Согласно тем же официальным данным из

АССР немцев переселили 373529 чел., из Саратовской области – 46706 чел., из Сталинградской области – 26245 чел.^[63]

Как уже отмечалось, подавляющее большинство немецкого населения Поволжья было вывезено к местам назначения эшелонами по железной дороге. Однако часть его (немцы Сталинградской области и прилежащих к ней сёл АССР НП) прежде чем сесть в эшелон, значительное расстояние преодолели водным путём. Этих людей сначала собирали к волжским пристаням и водным транспортом отправляли до Астрахани, оттуда по Каспийскому морю – на пароходах и баржах – до Гурьева и лишь затем железнодорожным транспортом к местам расселения.

У большинства переселенцев, никогда не видевших моря, оно вызывало страх. Начали распространяться слухи о том, что немцев вывозят в море для того, чтобы утопить. В связи с этим 7 сентября на барже № 063, стоявшей на астраханском причале в ожидании отправки, поднялась паника. Применяв суровые меры, охрана навела порядок^[64]. Отголоском этих событий спустя почти пятьдесят лет стали некоторые публикации в советской немецкоязычной прессе о том, что якобы существовал план массового утопления немцев в Каспийском море.

Можно понять чувства людей, не по своей воле покидавших родные края. А. Я. Герр вспоминал: «Наш эшелон № 842 ушёл с товарной станции Саратова около трёх часов ночи 11 сентября 1941 года... Когда эшелон отправлялся со станции, слёз не было. Но когда проехали Увек и въехали на мост, рыдал весь вагон: взрослые и дети, мужчины и женщины. Волга! Наша одиннадцатилетняя дочь, окончившая учебный год с похвальной грамотой, в своём дневнике записала:

«Волга, Волга, мать родная!
Ты, любимая моя...
Я уеду поневоле,
В сердце увезу тебя!»^[65]

Несмотря на официальные обвинения, выдвинутые против поволжских немцев, жесткое, а временами жестокое отношение местных властей к выселяемым, большинство жителей Поволжья сохраняли к своим согражданам немецкой национальности теплые чувства, человеческое отношение. Об этом до сих пор хорошо помнят многие ныне пожилые немцы-волжане. Чаще всего вспоминают они участливые слова соседей, слёзы русских женщин, расстававшихся со своими немецкими подругами.

В фонде Саратовского обкома ВКП(б) сохранились уникальные документы, подтверждающие отмеченное выше. В частности, «спецсообщение» № 124 сс от 13 сентября 1941 г. «О выражении сожаления и организации подарков для переселяемых немцев в столовой-ресторане № 7, в облпотребсоюзе, в дорпрофсоже РУЖД и 43 средней школе»^[66]. Как видим, даже в условиях угрозы репрессий находилось немало людей, в том числе ответственных работников, которые вопреки официальным установкам проявляли свои лучшие человеческие качества по отношению к коллегам и друзьям, столь неожиданно покидавшим их и уезжавшим навстречу неизвестности.

Порядок и условия перевозки немцев Поволжья на восток

В то время как Немреспублику покидали последние эшелоны, первые уже прибыли к месту назначения. Чтобы не загружать основные железнодорожные трассы, по которым шли к фронту воинские эшелоны, передвижение составов с поволжскими немцами в Сибирь и Казахстан осуществлялось, главным образом, круглым путём: через Саратовское Заволжье - в Казахстан (Уральск, Актюбинск и далее на юг до Алма-Аты), оттуда по Туркестано-Сибирской магистрали на север до Барнаула и Новосибирска, от Новосибирска на запад (в Омскую область и Северный Казахстан) и на восток (в

Красноярский край). В зависимости от конкретных станций погрузки и пунктов назначения общее время нахождения эшелонов в пути колебалось от 9 до 16 суток. В то же время, некоторые эшелоны (перевозившие немцев в ближайшие от Поволжья места депортации – Омскую и Кустанайскую области) следовали, очевидно, прямым путём, поскольку их время в пути составляло всего 5-6 дней.

Условия жизни переселенцев в пути были очень тяжёлыми. Люди перевозились в крытых товарных вагонах. В каждый вагон набивали по 40 и более человек с их имуществом. Спали на нарах, а то и просто на полу, подстелив солому. Из-за сбоя в графике движения горячее питание на станциях осуществлялось нерегулярно. Постоянные проблемы были с водой, особенно когда эшелоны шли по центральным и южным областям Казахстана. По воспоминаниям многих переселенцев, пожалуй, наиболее болезненным в физическом и нравственном плане в пути стал вопрос отправления естественных надобностей, который оказался совершенно не продуманным и потому для людей превращался, по существу, в массовую и постоянную пытку, особенно когда эшелоны по много часов шли не останавливаясь.

Из-за некачественной воды и антисанитарных условий во многих эшелонах имели место вспышки инфекционных желудочно-кишечных заболеваний, жертвами которых становились прежде всего дети. По имеющимся у нас данным, только в 44 эшелонах, перевозивших граждан бывшей Республики немцев Поволжья на восток, умерло 159 человек (Приложение 2). По остальным 144 эшелонам сведений об умерших обнаружить не удалось, однако, прибегнув к соответствующей математической интерполяции, можно предположить, что во время депортации умерло не менее 600-700 человек. Умирили в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и другими инфекционными болезнями. Взрослые умирали, в основном, по тем же причинам. Например, в эшелоне № 869 умерло от дизентерии 12 детей и один взрослый^[67]. Начальник управления НКВД по Красноярскому краю Семёнов докладывал своему руководству в Центр: «Личной проверкой выявлены: необорудованность санитарных вагонов и необеспеченность в должном количестве медикаментами. В пути следования было 8 родов, которые происходили на полу вагона в антисанитарных условиях»^[68].

В дороге не обошлось без происшествий. Наиболее частым и типичным происшествием стало отставание людей от своих эшелонов. Это происходило из-за плохой информированности людей о времени стоянки эшелонов и несогласованности действий начальников станций и начальников эшелонов. Так, в Уральске начальник станции отправил эшелон № 868 в то время, когда 202 его пассажира принимал горячую пищу в буфете станции. Пришлось снаряжать дополнительный состав из четырех вагонов и отправлять его вдогонку за ушедшим эшеломом. Лишь на вторые сутки отставшие догнали свой эшелон, в котором за это время поднялась серьёзная паника^[69]. В большинстве других случаев отставшим не удавалось догнать свои эшелоны и их пристраивали в эшелоны, идущие следом, что в дальнейшем порождало серьёзную проблему воссоединения семей, ведь эшелоны шли в разные места. Среди отставших от эшелона № 821 была молодая кормящая мать. Её трёхмесячного ребёнка взяла себе другая женщина, также имевшая младенца. Только в 44 уже отмечавшихся нами эшелонах отстали и не смогли их догнать 287 человек^[70]. Всего же число отставших перевалило за тысячу.

На местах остановки эшелонов, и особенно на станциях разгрузки, имели место побег. В основном пытались бежать молодые мужчины. Почти все бежавшие были пойманы и понесли суровое наказание.

На запрос начальника Омского УНКВД, какие меры репрессий применять к пойманым беглецам, заместитель Наркома НКВД Чернышев наложил резолюцию: «... дела беглецов оформлять через Особое совещание НКВД»^[71]. Сегодня хорошо известно, какие жесточайшие приговоры выносили эти совещания: как правило, 10 и более лет заключения в лагерях. Однако был, по крайней мере, один случай бегства, оставшийся

безнаказанным. Из эшелона № 761 «совершила побег женщина с тремя детьми, которая, увидев на станции Алейск своего брата с семьей, разгрузившегося с другого эшелона, незаметно выгрузилась и осталась с братом». В сводке происшествий тот же Чернышев сделал пометку: «По-моему, нужно и оставить её с братом»^[72].

В двух эшелонах произошли несчастные случаи. Попали под поезд и остались без ног взрослый мужчина и мальчик пяти лет. Они были оставлены на излечение в местных больницах. Еще несколько человек были сняты в пути с эшелонов по болезни. Имелись и арестованные, однако их оказалось немного, около десятка. Главным образом это были беглецы, оказавшие при задержании сопротивление, а также лица, совершившие уголовные преступления и хулиганские выходки.

В пути следования эшелонов НКВД не злоупотреблял арестами. С помощью тайных осведомителей, которые, как явствует из документов, имелись и среди переселяемых практически в каждом эшелоне, шёл процесс накопления компрометирующего материала, выявление «антисоветского» и «профашистского» «элемента». Аресты были произведены позже, по прибытии к месту назначения. Кстати, как оказалось впоследствии, не все чекисты, сопровождавшие эшелоны, добросовестно выполняли свои обязанности. Как отмечал в своём донесении заместителям Л, Берии Меркулову и Чернышеву начальник отдела спецпереселений НКВД Иванов, «из личной беседы оперсостава с агентурой установлено, что в большинстве своем агента с места отправки и в дороге проинструктирована не была»^[73]. Начальник Алтайского УНКВД Волошенко сообщил в Центр, что оперативный работник, сопровождавший эшелон № 836, «в пути следования агентуры не принимал», а оперативник, ехавший в эшелоне № 869, на требование начальника районного отдела НКВД по месту расселения о передаче ему имеющихся компрометирующих материалов на переселенцев заявил, что «материалы передать не может, так как у него все перепутано»^[74].

В оперативных сводках НКВД отмечен один факт предотвращения «диверсионного акта», который якобы пытались совершить немцы-переселенцы. 24 сентября на станции Джембул в шпильке рельса одного из путей была обнаружена тормозная колодка, что могло привести к аварии. Подозрение сразу же пало на пассажиров стоявшего в это время на станции эшелона № 809 с немцами-переселенцами. Стрелочница показала, что видела «на месте происшествия» двух немцев. Однако поиски «диверсантов» успеха не принесли. Эшелон вскоре убыл^[75].

В целом все же перевозка депортированных в 188 эшелонах была проведена в установленные сроки и без каких-либо серьезных эксцессов. Поволжские немцы в основной своей массе оказались послушны, дисциплинированы, исполнительны и, несмотря на обиду, горечь и возмущение за надругательство над собою, без сопротивления переехали к новым местам жительства, где, как оказалось, их уже ожидали новые испытания.

Приведем некоторые данные по заключительному этапу переселения

Таблица 1

Распределение эшелонов и переселенцев из Поволжья по краям и областям^[76]

Край, область	Количество прибывших		Количество станций разгрузки
	Эшелонов	Переселенцев, тыс.	
Красноярский	34	79,5	18
Алтайский	34	80,4	14
Омская	32	82,9	15

Новосибирская	37	88,7	28
Кустанайская	7	16,2	6
Павлодарская	9	21,2	6
Акмолинская	12	28,1	7
Северо-Казахстанская	10	23,2	5
Семипалатинская	9	20,1	5
Восточно-Казахстанская	4	8,9	3
Казахская ССР	51	117,7	32
Всего	188	440,2	107

Выше уже отмечалось, что по данным НКВД количество людей, вывезенных из Поволжья и количество прибывших в места расселения существенно разнятся. Разница составляет примерно 11,7 тыс. чел., в среднем по 62 человека на эшелон. Она образовалась за счет умерших, отставших и т. п., но главным образом за счет погрешностей в счете при загрузке и выгрузке.

Из данных таблицы следуют некоторые выводы: 73 % (то есть почти три четверти) немецкого населения бывшей АССР НП было переселено в Сибирь (в 2 края и 2 области) и лишь 27 % (чуть больше четверти) - в Казахстан (в 6 областей).

Переселенцы, попавшие в Казахстан, были размещены в северной, восточной и юго-восточной частях республики, то есть в районах, сравнительно благоприятных для жизни. В этом плане им относительно повезло, в сравнении, к примеру, с немцами из Москвы и Московской области, которые в конце сентября были переселены в Кызыл-Ординскую область с её крайне неблагоприятными для жизни человека условиями (пустынная местность, нехватка питьевой воды и т. п.). В дальнейшем Казахстан стал основной территорией для размещения советских немцев, переселявшихся из различных регионов европейской части СССР, а затем и для других народов, подвергшихся депортации.

В Красноярский край и Павлодарскую область последние эшелоны пришли в первых числах октября, в Алтайский край и другие области - раньше, ещё до начала октября. Переселенцы из Поволжья начали жизнь в новых, не знакомых большинству из них раньше, условиях.

Депортация немцев из других регионов Европейской части СССР

Немцы Поволжья оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. К концу года подобная участь постигла практически всех немцев, проживавших в Европейской части СССР.

Первой значительной акцией подобного рода, проведенной еще до депортации поволжских немцев, стало выселение 60 тыс. немцев из Крыма. По постановлению Совета по эвакуации СЭ-75 с от 15 августа 1941 г. немецкое население Крымской АССР эвакуировалось в Орджоникидзевский край с расселением в Дивенском, Благодарненском и Будённовском районах^[77]. Эвакуация проходила поспешно и непродуманно, в чём признавались сами работники НКВД, проводившие операцию. Как отмечал в письме в вышестоящий орган заместитель начальника 12-го отдела Орджоникидзевского краевого

управления НКВД СССР Гусев, в «ряде районов Крыма (Алуштинском, Ялтинском и др.) допускалась совершенно ненужная спешка, эвакуированным, как правило, не говорилось, куда они вывозятся, сколько времени будут в пути, какой запас нужно взять с собой продуктами питания»^[78]. В результате, через два - три дня большинство эвакуированных из городской местности остались без питания, что, естественно, вызывало недовольство. При отправлении эшелонов начальники эшелонов не назначались. Подчас в одном эшелоне находилось несколько человек, считавших себя старшими. Такое положение создавало обстановку хаоса и вносило сумятицу в работу дежурных по станциям, так как к ним одновременно обращались вместо одного начальника много старших и просто едущих в эшелоне граждан.

По сообщению УНКВД Орджоникидзевского края из Крымской АССР прибыло 50 тыс. немцев. Кроме того, 3 тыс. крымских немцев эвакуировали в Ростовскую область^[79]. Оставшиеся в Крыму по той или иной причине немцы переселялись позднее, в мае-июне 1944 г. вместе с крымскими татарами, греками, армянами и болгарями. Крымские немцы, оказавшиеся в Ростовской области и в Орджоникидзевском крае пробыли там недолго. Уже в октябре вместе с местными немцами они были депортированы дальше на восток.

После переселения поволжских немцев порядок депортации немцев из Европейской части СССР несколько изменился. Решение о депортации принимал Государственный Комитет Обороны СССР и даже более низкие инстанции: руководство НКВД, Военные советы фронтов.

Механизм депортации, как правило, был следующий. Предварительно органы НКВД проводили учёт всего немецкого населения, проживающего в зоне предстоящего выселения, полученные результаты докладывались в Наркомат. Далее, на имя И. Сталина направлялась докладная записка за подписью Наркома внутренних дел Л. Берии, в которой указывалось общее количество немцев, проживающих в зоне выселения, численность «антисоветского элемента» и предложение об его аресте, порядок переселения немцев на новые места. К записке прилагался проект постановления Государственного Комитета Обороны с конкретными указаниями по проведению переселения. После подписания И. Сталиным постановление приобретало силу закона и подлежало немедленному исполнению. Исполнение постановления ГКО возлагалось на органы НКВД. Следом за постановлением Л. Берия издавал приказ по своему ведомству, в котором определялись конкретные мероприятия, обеспечивавшие претворение в жизнь решения ГКО.

Таблица 2

Депортация немцев из европейской части Советского Союза, осуществлявшаяся на основе постановлений ГКО СССР^[80]

Республики, края и области, откуда выселялись немцы	Номера постановлений ГКО СССР и даты их принятия
Москва, Московская и Ростовская обл	№ 636 от 6 сентября 1941 г.
Тульская обл., Краснодарский и Орджоникидзевский края, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР	№ 698 от 21 сентября 1941 г.
Запорожская, Ворошиловградская и Сталинская области Украинской ССР	№ 702 от 22 сентября 1941 г.
Воронежская обл	№ 743 от 8 октября 1941 г.
Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР	№ 744 от 8 октября 1941 г.
Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР	№ 827 от 22 октября 1941 г.

Без специального решения ГКО СССР депортация немцев проводилась из Одесской и Днепропетровской областей Украины, из Горьковской, Куйбышевской, Ленинградской, Калининской областей, города Ленинграда, Калмыцкой АССР. Как правило, она осуществлялась на основе распоряжения Наркома внутренних дел.

Выселение немцев из Ленинграда и Ленинградской области проводилось на основе специального постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 г. За ним 28 августа последовало донесение на имя И. Сталина, подписанное В. Молотовым, Г. Маленковым и А. Косыгиным, в котором они сообщали о том, что ими «принято решение о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96000 человек». Предлагалось направить их в Казахстан и Сибирь^[81].

Общее число переселенцев-немцев на 1 января 1942 г. составило 799,5 тыс. человек^[82].

Власть и депортированные немцы в новых местах поселения

Подготовку к приему переселенцев руководители соответствующих краев и областей начали после того, как в конце второй – начале третьей декады августа получили от Наркома внутренних дел Л. Берии циркулярную телеграмму, в которой доводилось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о переселении немцев из Поволжья. В телеграмме указывалось, какое количество семей должны были принять каждый край и область, и ставилась задача подготовить для них жилье. Нарком внутренних дел потребовал не позднее утра 31 августа сообщить в НКВД СССР названия станций разгрузки эшелонов с указанием наименований железных дорог. Л. Берия информировал, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября^[83].

В дальнейшем, начиная с 1 сентября, то есть с началом операции по выселению немцев Поволжья, управления НКВД краев и областей, куда должны были переселяться немцы, ежедневно докладывали о проделанной работе по подготовке к приему переселенцев. К моменту прибытия первых эшелонов из Поволжья все они доложили в центральный аппарат НКВД о том, что к приему переселенцев готовы, то есть подготовили жилье, транспорт для перевозки от станций разгрузки к местам поселений.

Территория, на которой размещались переселенцы-немцы в Сибири и Казахстане, оказалась намного обширнее территории Немреспублики, а следовательно, и расстояние от станций выгрузки до мест заселения – протяженнее.

Значительная часть переселенцев, прибыв в конечную точку железнодорожного маршрута, перегружалась на пароходы и баржи и направлялась по Енисею, Оби и Иртышу на многие десятки и даже сотни километров на север и на юг от станций выгрузки. Затем им приходилось ещё на повозках тащиться по таёжным и степным дорогам в далекую глубинку.

Если в Немреспублике, имевшей общую площадь 28,2 тыс. кв. км, немцы проживали в 22 крошечных кантонах, то на новых местах они заселялись в 224 района, многие из которых по своей территории в несколько раз превышали площадь всей бывшей АССР НП; Часто эшелоны расселялись не в один, а в два и даже три района^[84].

С самого начала депортации стало ясно, что заложенный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. принцип поколхозного расселения переселённых немцев реализовать невозможно, главным образом по причине материальных трудностей. Первыми об этом сообщили в ЦК ВКП(б) власти Казахстана. Поэтому уже 12 сентября 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». В нём Центральному Комитету Коммунистической партии Казахстана давалось разрешение расселять немцев Поволжья не целыми колхозами, как предписывалось в постановлении

от 26 августа, а группами семей^[85]. Вскоре явочным порядком это постановление было распространено и на немцев, депортировавшихся в Сибирь.

В последующем, когда осуществлялась депортация немцев из других районов СССР (Северного Кавказа, Закавказья, Центра России и др.), в соответствующих постановлениях Государственного Комитета Оборона СССР имелся пункт 3, который всюду был одинаков и гласил: «Переселение и расселение немцев в Казахской ССР произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР за от 12.VIII.41 г. - «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»^[86].

Итак, расселение депортированных немцев проводилось посемейно. В каждый район направлялось определенное число семей, которое, в свою очередь, далее дробилось ещё по селам и колхозам. В итоге в каждое село, колхоз, совхоз, МТС и т. д. попадало всего по несколько семей. К примеру, в Акмолинской области 28 тыс. переселенцев принял 371 колхоз^[87]. Произошло распыление немецкого населения Поволжья и, в частности, АССР НП (в прошлом одного из самых значительных мест компактного проживания немцев в России и СССР) на громадной территории в 2,5-3 млн. кв. км. Именно с того времени и начал развиваться особенно быстрыми темпами процесс ассимиляции немцев с окружающей русскоязычной средой.

Отдельное жильё немецким семьям в местах вселения, за редким исключением, не предоставлялось; «уплотняли» семьи местных жителей за счет вселения к ним под крышу. Такое сожителство, как правило, негативно отражалось на взаимоотношениях между приезжими и хозяевами, поскольку, во-первых, причиняло последним существенные неудобства, а, во-вторых, незнание обычаев, традиций, уклада жизни друг друга нередко приводило к конфликтам. Особенно часто такие конфликты по недоразумению возникали при вселении в казахские аулы и семьи. Например, в колхозе «Оркенъ» Кокчетавского района Северо-Казахстанской области произошел случай, когда немка стала поджаривать сало в избе, а хозяйка-казашка, заметив это, тут же ушла к соседям и больше уже не возвращалась в свой дом. В том же колхозе казахи не разрешили хоронить на своем кладбище умершего ребенка-немца^[88].

Вначале местные жители встретили переселенных немцев настороженно, но спокойно, в основном без каких-либо эксцессов, хотя и были отдельные исключения. Так, в Алтайском крае председатель Травиновского сельсовета Перепечаева в присутствии немцев, только что прибывших в село, заявила сопровождавшим: «Зачем их прислали к нам сюда, они будут здесь шпионить и вредить». В том же крае, но в другом районе, в колхозе «Червона Домжа», украинские дети жестоко избивали камнями немецких, которые проезжали через село и остановились напоить лошадей. При этом дети-украинцы кричали, что «бьют немцев, наступающих на СССР»^[89].

В дальнейшем отношении местных жителей к немцам менялось под воздействием поведения последних. Наиболее быстро адаптировались к новым условиям жизни сельские труженики: колхозники, механизаторы МТС. Многие из них уже буквально на второй - третий день после прибытия включились в работу по уборке урожая, показывая свое высокое профессиональное мастерство. Комбайнер Я. Шандрер, вселенный в колхоз «Советская Сибирь» Залесовского района Алтайского края, исправил не работавший весь сезон комбайн и за полдня скошил 15 гектар хлеба. Тракторист Э. Вайс из того же колхоза за два часа исправил бездействовавший два месяца трактор^[90]. После вселения немцев практически из всех районов пошла информация, что ход уборочной кампании существенно ускорился и большинство колхозников-немцев работает добросовестно и старательно.

Имели место факты, когда прибывшие переселенцы активно включались в общественную жизнь колхозов, разоблачали махинации некоторых руководителей в отношении рядовых колхозников.

5 декабря 1941 г. в колхозе «Искра» Тяжинского района Новосибирской области был зверски убит И. Вендлер, член ревизионной комиссии колхоза, разоблачивший

попытку воровства хлеба колхозным руководством. Убийцами оказались председатель и его подручные^[91].

Пункт 4 постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. предусматривал дифференцированный подход к расселению жителей бывшей АССР НП («городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных»)^[92]. Это положение на практике выполнено не было. Огульный подход к расселению прибывших привел к тому, что подавляющее большинство горожан, жителей кантональных центров, попали в колхозы. Если в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях, Казахской ССР они составляли в колхозах 10-15 %, то в Красноярском крае в ряде случаев - 60%^[93]. Естественно, что эти люди, никогда не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, специалисты своего дела (учителя, врачи, ученые, служащие учреждений, железнодорожники и т. п.), не хотели ехать в колхозы, возражали, протестовали против такого решения, подчас в резкой форме. Попав в колхозы, энтузиазма не проявляли и делали все возможное, чтобы найти работу по специальности. Вот что сообщалось по этому поводу в оперативных сводках НКВД: «Со стороны значительной части переселенцев городского контингента наблюдается весьма плохое отношение к работе в колхозах. Особенно это относится к работникам, ранее работавшим в районных организациях, и лицам, не занимавшимся сельским хозяйством. Порой эта категория переселенцев вносит дезорганизацию и разложение... Многие переселенцы из городского контингента стремятся совершенно уйти из колхоза. Их можно видеть в районных, городских и областных центрах, занимающимися поисками для себя работы по специальности»^[94].

Очень немногим удавалось найти себе работу и переехать в райцентр или какой-нибудь городок. Основная масса горожан-переселенцев так и осталась в колхозах. Естественно, что это не могло не отражаться на их настроении и поведении. Вот лишь одно высказывание, зафиксированное органами НКВД. А. Кесслер заявил: «Мы там получали хорошую зарплату и имели хорошие квартиры, а сейчас нас загнали в колхозы. Задушусь в петле, но в ваших колхозах работать не буду»^[95]. Подобных высказываний в анналах НКВД зафиксировано немало. Конечно, это крайние точки зрения, однако в целом столь дружное нежелание горожан идти в сельское хозяйство говорит об истинном авторитете сталинских колхозов в те годы с их крепостническим укладом жизни.

Положение немцев-переселенцев усугублялось тем, что ввиду спешного выселения (график погрузки и перевозки был превыше всего) значительная часть из них при увольнении с работы не получила заработной платы и полного расчета и, следовательно, осталась без средств к существованию. В подавляющем большинстве колхозов, куда попали горожане бывшей АССР НП, даже при добросовестном труде какое-либо авансирование не производилось, а оплата труда должна была осуществляться в конце хозяйственного года, то есть фактически приезжие обрекались на голод и голодную смерть. Это был ещё один существенный фактор, заставлявший бывших горожан бежать из колхозов. К примеру, из колхоза «Знамя Ленина» Ельцовского района Алтайского края сбежала целая группа немцев-переселенцев. Они обратились в совхоз № 176 Тогульского района с просьбой принять их на работу. При этом свое бегство из колхоза мотивировали следующей причиной: «Нам в колхозе работать нельзя, потому что там ничего не дают, а купить продуктов питания нам не представляется возможным»^[96].

Казалось бы, по сравнению с горожанами, рабочими и служащими колхозники бывшей АССР НП находились в более выгодном положении, поскольку привезли с собой документы: обменные квитанции, акты на сдачу как колхозного, так и личного имущества. Партия и государство обещали им компенсировать потерю этого имущества (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г.). Но переселенцы были самым бессовестным образом обмануты. Официально никто не отменял положение постановления о компенсации, однако Центр никаких разъясняющих документов о том, из каких средств производить компенсацию, не посылал. Местные же партийные, советские,

хозяйственные органы, не имея каких-либо полномочий, да и материальной основы на выдачу переселенцам компенсации, естественно, принимать у немцев документы и выдавать взамен деньги и имущество отказывались. Единственное, что было сделано в некоторых местах, - это выдача переселенцам по имевшимся у них обменным квитанциям хлеба, да и то в небольшом количестве (не более 3 центнеров на семью). Однако 30 октября заготовительное ведомство «Востокзаготзерно» телеграфно распорядилось «выдачу зерна переселенцам-немцам впредь до особого распоряжения прекратить»^[97]. 11 ноября Наркомат заготовок СССР разрешил возобновить выдачу переселенцам-колхозникам хлеба в том же объеме, но только взамен на обменные квитанции «Заготзерно». Такие квитанции были далеко не у всех. В спешке выселения от многих колхозников-немцев хлеб на местах принимался не только хлебозаготовительными, но и хлебозакупочными организациями, а также по актам, составленным представителями Наркомата земледелия и органов НКВД. Такие документы в местах вселения в расчет не принимались^[98].

Кроме того, как сообщали наверх органы НКВД, «совершенно не возмещаются по квитанциям картофель и другие овощи. Отсутствуют указания о порядке возвращения скота, сданного по квитанциям «Заготскот». Областные организации на свои запросы до сих пор от вышестоящих организаций разъяснений по этому вопросу не получили»^[99]. Приведенная информация поступила в Центр из Новосибирской области в декабре 1941 г. А вот что сообщалось из Казахстана несколько раньше - в ноябре: «Выдача переселенцам скота и сельхозпродуктов, по имеющимся у них на руках обменным квитанциям, до сих пор не производится... У колхозов и колхозников имеются, кроме того, документы о сдаче сельхозинвентаря, домашнего имущества и пр. Столь значительный объем обменных операций, вследствие отсутствия в районах необходимых фондов, вызывает прямые опасения за их реальность и возможность удовлетворения гарантированных претензий переселенцев»^[100]. Сообщение из Омской области (ноябрь 1941 г.): «Значительная часть переселенцев выражает свое недовольство переселением по причинам хозяйственного неустройства. До сих пор не ясны вопросы, будут ли им возвращаться сданные при отъезде хлеб, скот, фураж...»^[101].

Аналогичные тревожные доклады поступали и из других краев и областей, где были расселены граждане бывшей Немреспублики. Однако ситуация так и не изменилась. Практически ни в одном месте, куда были переселены немцы, они так и не смогли получить по имевшимся у них документам компенсацию за оставленное имущество (дома и другие постройки, предметы домашнего обихода, инвентарь, скот, продовольствие, фураж и т. п.).

По мере приближения зимы 1941-1942 гг. положение немцев-переселенцев в Сибири и Казахстане становилось все хуже и хуже. Очень скоро какие-либо различия в продовольственном положении бывших горожан и колхозников исчезли. Над всеми навис голод. Подтвердим сказанное сообщениями, поступившими в центральный аппарат НКВД из Новосибирской области: «Начальник Чановского РО НКВД сообщил... что в их районе от плохого питания имеются случаи опухания детей немцев-переселенцев»; «В деревне Степановка Ижморского района несколько семей из-за отсутствия у них хлеба дошло до истощения»; «В Тогучинском районе немцы-переселенцы, участвовавшие на общественных колхозных работах, пользовались колхозным общественным питанием. В связи с окончанием основных сельскохозяйственных работ эти семьи не работают, правления колхозов, потребкооперация хлебом их не снабжают»^[102].

В других краях и областях, куда попали немцы, ситуация, за небольшим исключением, практически ничем не отличалась от той, что сложилась в Новосибирской области. Казалось бы, что хуже уже некуда, но были и более отчаянные ситуации.

Настоящая катастрофа постигла семьи, не имевшие взрослых мужчин. Это были, главным образом, семьи, главы которых находились в рядах Красной Армии либо были арестованы. «Таких семей насчитывается значительное число в каждой области», -

отмечалось в сводках НКВД. «Кроме того, - сообщали чекисты, - имеется большая прослойка семей, растерявших при переселении своих родственников, глав семей и т. д. Сейчас эта категория переселенцев, находясь в затруднительном материальном положении, разыскивает утерянных и пишет заявления в различные советские организации и органы НКВД»^[103].

Следует отметить, что отношение местной власти к немцам не было дифференцированным. Даже для тех, кто выражал свою лояльность, много и добросовестно работал, как правило, не делалось никаких исключений. Характерный случай произошел в колхозе «Путь пятилетки» Больше-Муртинского района Красноярского края. Комбайнер Яков Крикау уже на второй день после прибытия в колхоз вышел на работу и стал показывать невиданные в этих местах результаты: скашивал по 9-11 га хлеба в день, намного перекрывая все местные нормы. Тем не менее в один из дней к нему прямо на поле прибежала жена и, рыдая, стала говорить, что председатель не дает хлеба, детей кормить нечем. «Кончай работу, - потребовала она, - пошли искать хлеб!» Якову ничего не оставалось, как послушаться жену. В дальнейшем он уже особого рвения к работе не проявлял^[104].

Иногда дело доходило до прямого издевательства над немцами. Так, председатель колхоза «Советская Сибирь» Тяхтетского района Красноярского края заставил вязать на поле снопы безрукую Эмму Вернер. Он же на просьбу Марии Ноль выдать ей теплую одежду грубо отказал, сказав: «Где хочешь, там и бери»^[105].

Вместе с тем было немало проявлений и человеческого, порядочного, участливого отношения к переселенным немцам со стороны ряда местных руководителей. Однако сотрудники НКВД зорко следили за ситуацией и, когда замечали подобные случаи, принимали меры к немедленному их пресечению.

В докладе начальника УНКВД по Алтайскому краю Волошенко приводились следующие факты: «В колхозе им. Калинина Ельцовского района ни одна женщина из переселенцев не работает, а их семьи продукты получают не из расчета заработанных трудодней, а по количеству членов семьи»;

«В Шипуновском районе... заместитель председателя райисполкома Шапошников укомплектовал райбольницу и медпункты старшим и средним медсоставом из числа немцев-переселенцев, вследствие чего *всю медработу отдал на откуп немцам* (курсив документа. – А. Г.).

Председателем райисполкома Кошниковым был направлен на работу в качестве директора заготконторы райпотребсоюза беспартийный немец-переселенец Буссе, который при пуске овощесушильного завода укомплектовал аппарат последнего в своем большинстве немцами. В результате чего на резке и сушке картофеля для РККА работают немцы-переселенцы... [эти] должности вполне могли быть замещены прибывшими эвакуированными членами семей военнослужащих...»^[106].

Деяния руководителей Шипуновского района чекист Волошенко назвал «политической беспечностью партийно-советского руководства и неправильным отношением к трудоустройству немцев-переселенцев». Далее он сообщил своему начальству, что по всем отмеченным фактам «приняты меры», в частности, «всех немцев, работающих на предприятиях райцентра (Шипуново. - А. Г.), направляют по колхозам»^[107].

Акмолинский областной отдел народного образования в русских начальных школах организовал специальные классы для детей немцев-переселенцев, не владеющих русским языком, в которых проводили занятия учителя-немцы. По требованию органов НКВД эти классы были ликвидированы^[108].

Естественно, что униженные, обманутые, обобранные и обреченные в большинстве своем на вымирание в чужих краях немцы из Поволжья и других регионов европейской части СССР не могли испытывать каких-либо теплых чувств к советской власти. Росло их

отчаяние, а вместе с ним - озлобленность и ненависть к режиму. Приведем некоторые высказывания, зафиксированные агентурой:

К. Людвиг: «Советская власть нас обманула. Нам сказали, что мы все получим на месте, а сейчас и кормить не хотят. Мы же все оставили в Поволжье»;

А. Генрихс: «Нас сюда загнали с голоду заморить. Чем сюда ехать, лучше было бы в Волге утопиться»;

Н. Вейман: «Я хоть и партиец, но готов хоть сегодня бросить свой партбилет за ту обиду, которую нанесла нам советская власть»;

А. Энн: «Посмотрите, не прошло и трех месяцев войны, как наша власть уже вынуждена собирать людей со всех концов России, чтобы только удержаться против маленькой Германии, а тут еще соввласть занимается глупостями вроде переселения. Это переселение - не что иное, как ограбление немцев и отомстить (так в тексте. - А. Г.) за то, что Германия воюет с СССР»^[109].

Приведенные выше высказывания на официальном языке режима назывались фактами «нездорового настроения» немецких переселенцев. Чиновники НКВД отмечали массовый характер таких настроений. Однако было бы просто глупо ожидать от доведенных до отчаяния людей «здорового» настроения.

Враждебное, холодно-жестокое отношение к немцам-переселенцам, безысходность положения, в которое они попали, порождало у некоторых из них надежду на то, что спасти их может только поражение советского режима в войне. Поэтому органами НКВД фиксировались и «пораженческие», и «фашистские» настроения:

Матильда Керр: «Хоть бы Гитлер скорее занял Советский Союз, а то здесь день и ночь только мучают этими колхозами, работаешь, а получать на трудодни нечего»;

А. Гамм: «Все равно не сегодня, так завтра нам смерть. А тот из нас, кто переживет этот год, того спасет Гитлер»^[110].

Анализ поступавшей с мест в Центр оперативной информации НКВД, даже при существенной скидке на предвзятость, позволяет сделать вывод, что среди выселенных в Сибирь и Казахстан немцев к концу 1941 г. начал нарастать широкий стихийный протест против того насилия и бесчинств, которые над ними совершались, против бесчеловечных условий жизни, на которые они были обречены. Этот протест выражался в различных формах.

Буквально всеми краевыми и областными управлениями НКВД отмечался быстрый рост и расширение масштабов «антисоветских проявлений». Причем высказывания в адрес режима становились злее и жестче. Все чаще фиксировались высказывания, сделанные бывшими видными партийными и советскими деятелями АССР НП. Например, бывший депутат Верховного Совета АССР немцев Поволжья, член партии Гоппе «допустил резкие контрреволюционные выпады по адресу руководителей партии и правительства». Бывший сотрудник НКВД К. Меркер и бывший член Главсуда Д. Горн в своем разговоре, вспоминая историю Немреспублики, пришли к выводу, что «повстанцы 1921 года были не бандиты, а национальные герои»^[111]. Как видим, у активных в прошлом сторонников Коммунистической партии и советской власти наступало прозрение. Для этого, правда, самим им пришлось сначала из вершителей судеб людей стать жертвами того самого режима, на страже которого они стояли многие годы.

Довольно типичной формой протеста стал отказ выходить на работу. Это явление получило распространение главным образом в колхозах. Приведем несколько типичных примеров:

«В колхозе им. Дзержинского (Омская область. - А. Г.), несмотря на распоряжение бригадира, немцы Миснер, Гольман и Троец на работу не вышли, невыход свой они мотивировали отсутствием теплой одежды, а позднее они же нецензурно выругали бригадира, при этом заявив: «У нас ничего нет - ни одежды, ни хлеба, все отобрали»;

«В колхозе «Свободный труд» (Алтайский край. - А. Г.) в ответ на обращение бригадира Игнатова ко всем переселенцам выйти на работу, немец Шауфлер в

присутствии других немцев сказал Игнатову: «Что ты пищишь! За что мы будем работать! Мы там работали, а здесь нам ничего не заплатили, и здесь за 800 грамм хлеба мы работать не будем»^[112].

Серьезные опасения органов НКВД вызывали так называемые «повстанческие разговоры», которых также становилось все больше. Из Казахстана сообщали, что переселенец Андрей Непп в кругу знакомых говорил: «Если бы все так были настроены, как я, то мы бы в Сибирь не поехали. Надо было поднять бунт, а в крайнем случае - поджечь все имущество, так как нам все равно придется сдыхать (так в тексте. - А. Г.). Но я наделаю дел - перережу человек 20 русских, а потом покончу самоубийством»^[113].

Из Иссиль-Кульского района Омской области агент «Звездочка» информировала, что к ней из поселка Николайполь Моргантаусского сельсовета приезжала ее родственница Жерман, которая рассказала, что «в их поселке размещено 12 семей переселенцев, все они злобно настроены к советской власти... заявляют, что советская власть их обманула, обещала им предоставить все то, что ими оставлено, а теперь приходится голодать - нет хлеба. Если в скором времени правительство не поможет переселенцам, - говорит Жерман, - то можно ожидать восстания»^[114].

Представляется, что опасения органов НКВД о возможном восстании немцев было небезосновательным. Как видно из приведенных высказываний, отчаяние вполне могло толкнуть наиболее горячие головы на безрассудные действия.

Начальники краевых и областных управлений НКВД докладывали в Центр о том, что «среди немцев активно действует фашистская агентура, которая ведет профашистскую агитацию и распространяет пораженческие и провокационные слухи», что «за последнее время вскрыты контрреволюционные группировки, организующие вокруг себя антисоветскую часть немцев»^[115]. Только в одной Новосибирской области в декабре 1941 г. велось следствие по делам пяти «контрреволюционных группировок», которые проходили под шифрами: «Фашисты», «Нацисты», «Пособники», «Приезжие», «Арийка». Лишь одно знакомство с шифрами дел дает некоторое представление о характере обвинений, предъявлявшихся арестованным.

Чтобы иметь хоть какое-то представление о сути этих дел и о том, насколько обоснованы были обвинения, приведем характеристику агентурного дела «Фашисты», данную начальником Новосибирского управления НКВД в одном из своих донесений: «В Здвинском районе немцы Меркер Иван Петрович, 1903 г. рождения, Берш Иван Варфоломеевич, 1903 г. рождения, Берш Рудольф Петрович и др. в количестве четырех человек высказывают террористические намерения в отношении т. Сталина, сочиняют и распространяют различные провокационные слухи среди немецкого и русского населения, устанавливают связи с контрреволюционными элементами из немцев, проживающих в других районах. На устраиваемых сборищах проявляют пораженческие настроения и высказывают намерения к оказанию поддержки германскому фашизму в войне с СССР»^[116]. Из характеристики дела видно, что оно в основном сфабриковано, хотя, очевидно, некоторые высказывания и «сборища», давшие основание завести это дело, имели место. Остальные дела по своему содержанию очень схожи с только что рассмотренным.

На основании подобных дел производились аресты среди переселенных немцев. Так, тот же начальник Новосибирского УНКВД сообщал, что в декабре его ведомство арестовало по области 21 человека, «дополнительно намечено к аресту 37»^[117].

Начальник Алтайского УНКВД информировал свое руководство что по Алтайскому краю в октябре-ноябре арестовано 35 немцев, из коих 7 «проходят по двум профашистским группам»^[118]. Примечательно, что в этом месте донесения на полях стоит пометка начальника отдела спецпереселений НКВД СССР Иванова: «Недостаточно!». На другой странице этого же донесения тот же Иванов приписал: «Очевидно, органы НКВД Алтайского края недостаточно решительно наносят немцам-фашистам удар. Надо этот

удар наносить при первых же попытках активизации немцев, не допуская дело до таких, указанных в записке фактов»^[119].

Всего, по приблизительным подсчетам автора, до конца 1941 г. в местах расселения поволжских немцев было арестовано по политическим мотивам свыше четырехсот переселенцев.

Переселение немцев из мест традиционного проживания в Сибирь и Казахстан, лишение их годами нажитого имущества, пренебрежение к их элементарным нуждам, обращение с ними как с врагами имели вполне адекватную реакцию: немецкое население стало относиться к режиму неприязненно, а в ряде случаев - и откровенно враждебно. Ясно, что в целях безопасности и самосохранения подавляющее большинство немцев скрывало свои взгляды и чувства, однако они все же прорывались наружу в разговорах между собой. Чтобы держать под контролем и мысли и действия переселенцев, органы НКВД привлекли к себе на службу в качестве тайных осведомителей достаточно большое число людей из среды переселенцев. Именно поэтому всякие намерения переселенцев, представлявшие, с точки зрения НКВД, опасность для власти, пресекались в зародыше.

«Вторичная» депортация

После проведения массового переселения немцев из районов европейской части СССР, с января 1942 г. последовал ряд акций по перераспределению этих «трудовых ресурсов» внутри областей и краёв вселения. Так, по постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 19 сс от 6 января 1942 г. на НКВД было возложено переселение 50 тыс. немцев для работы по лову рыбы и на предприятия рыбообработывающей промышленности. Из этого количества 15 тыс. человек переселялись из центральных районов Новосибирской области на север - в Нарымский округ. Остальные 35 тыс. направлялись в Омский, Якутский, Красноярский госрыбтресты. В октябре 1942 г. вышло ещё одно постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1732 сс, согласно которому в 1943 г. на Сибирский Север было переселено ещё около 30 тыс. человек^[120].

Вопросами обустройства отправленных на север людей в рыбных трестах фактически никто не занимался. По докладам органов НКВД в рыболовецких хозяйствах Красноярского края на одного человека приходился всего 1 кв. м жилой площади, остро ощущался недостаток топлива, продуктов, особенно жира и овощей, отсутствовали медикаменты, прачечные, бани. В Омской области на Надымском рыбозаводе переселенцы спали на нарах, покрытых грязной соломой по 50 - 60 человек в тёмных сырых землянках, которые не освещались и не отапливались. Следствием этого стало массовое заболевание людей различными болезнями. С июля 1942 г. по январь 1943 г. в Надымском районе умерло 34 человека из находившихся там 1621 немца. Больные в отдельные помещения не изолировались, а находились вместе со здоровыми.

Ужасные условия существования дополнялись ненавистью и бездушным отношением к переселенцам со стороны руководства трестов и бригадиров: «Бригадир Ананьев при отправке заболевшего на работе переселенца Яков В. снял с него меховую обувь, передел в резиновую, в результате тот по дороге в больницу отморозил себе ноги, которые впоследствии пришлось ампутировать»^[121].

В Красноярском крае, в Игарском районе на станции Агапитово дневной улов рыбы в местной бригаде составлял не более 20 - 30 кг. Сдаваемой рыбы не хватало на то, чтобы обеспечить себя хлебом. Бригада не получала его по 7 - 8 дней. За зиму 1942 - 1943 года на станции умерло 150 немцев, в том числе дети^[122]. Немоощные истощённые люди не могли работать в полную силу, что влекло за собой наказание - уменьшение норм обеспечения продовольствием, отчего они слабели ещё больше и ещё меньше выполняли норму выработки. Этот изуверский метод хладнокровно обрекал немцев на голодную смерть.

О последствиях депортации

Депортация, ставшая в условиях войны грубой неадекватной перестраховкой сталинского режима, привела к коренному изменению положения немецкого населения в СССР. Кардинально изменилась география расселения немцев. Если до войны подавляющее большинство немцев проживало компактно в ряде мест европейской части страны (Поволжье, Южная Украина, Крым и др.), то после депортации они, в основном, оказались в Западной Сибири и Казахстане. При этом в Алтайском крае и Омской области немцы стали второй по численности национальной группой после русских. Произошло распыление немцев по огромной территории (свыше 5 млн. кв. км), результатом чего стало быстрое развитие ассимиляционных процессов. В ходе депортации немцы лишились своего имущества, а зачастую и средств к существованию. Немалое число их погибло, не выдержав тяжёлых условий переезда и жизни на новых местах. Между тем, впереди их ждали новые суровые испытания – «Трудовая армия» и спецпоселение.

В результате депортации были ликвидированы и смешаны все региональные группы этнических немцев (поволжские, причерноморские, закавказские, волынские и др.). Началось формирование новой этнической общности – единого немецкого народа.

Лишь в декабре 1955 г. для немцев наступили лучшие времена: был ликвидирован режим спецпоселения. Однако при этом в соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР специально оговаривалось, что «снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»^[123].

Еще почти 9 лет понадобилось советскому руководству, чтобы снять с немцев надуманные обвинения в измене Родине, однако и тогда, в августе 1964 г., запрет на возвращение в места додепортационного проживания был сохранен^[124]. Снятие этого позорного и ни чем не мотивированного ограничения произошло лишь в ноябре 1972 г., спустя почти 30 лет после депортации^[125]. К этому времени поры зрелости достигло новое поколение немцев, выросшее в местах высылки и спецпоселения и знавшее о своей малой Родине лишь понаслышке.

Последствием депортации стали многочисленные послевоенные проблемы, связанные с борьбой немцев за восстановление справедливости, сохранение своей идентичности что в конце концов вылилось в мощное эмиграционное движение в Германию.

70 лет – срок в истории достаточно большой. Однако он не смог ни стереть из народной памяти события депортации, ни приглушить эмоции, связанные с этим трагическим событием. А раз существует эмоционально окрашенная память, значит немецкий народ в России не исчез. Он вспоминает свое прошлое во имя будущего. И это вселяет оптимизм.

Приложение 1

Начальный этап операции по выселению немцев из Поволжья в сентябре 1941 года^[126]

№ п/п	Станция погрузки	С каких территорий АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей происходила погрузка людей	Дата отправления	Номера эшелонов, (количество людей в них)
1	Ст. Покровск	г. Энгельс,	3.09	820 (2419), 821 (2345)

(г. Энгельс)	Красноярский, Маркштадтский, Унтервальденский, Куккусский (частично), Зельманский (частично), Иловатский кантоны АССР НП	4.09	823 (2336), 824 (2314), 825 (2325)
		5.09	826 (2364), 827 (2315), 828 (2349)
		6.09	861 (2315)
		7.09	816 (2435), 867 (2351), 869 (2383)
		8.09	750 (2335), 748 (2328), 749 (2350), 791 (2229), 751 (2451)
		9.09	873 (2342), 753 (2324), 754 (2348)
		12.09	764 (2344), 763 (2348), 769 (2298)
		13.09	772 (2415), 773 (2418)
		14.09	775 (2372), 774 (2527)
		15.09	886 (2349), 779 (2360)
		16.09	778 (2373), 781 (2454), 795 (2447), 796 (2343), 843 (2355), 844 (2330), 845 (2367)
		17.09	817 (2504), 812 (2284), 811 (2412), 813 (2303)
		18.09	832 (2136), 739 (2174), 776 (2379), 814 (2422)
		19.09	770 (2558)

			20.09	833 (2635)
				Всего: 46 эшелонов, 108865 человек
2	Ст. Увек (пригород Саратова)	Бальцерский, Добринский (частично) Золотовский, кантоны, пос. Красный Текстильщик АССР НП	12.09	850 (2170)
			14.09	887 (2436), 793 (2334), 846 (2339)
			15.09	838 (2113)
			16.09	809 (2299), 810 (2299), 889 (2315),
				892 (2370), 851 (2351), 852 (2328)
			17.09	891 (2487)
			18.09	836 (2331), 818 (2209), 777 (2363),
				853 (2377)
			19.09	837 (2303), 854 (2457)
			20.09	834 (2243), 835 (2183)
			21.09	815 (2359)
				Всего: 21 эшелон, 48666 человек
3	Ст. Анисовка	Герновский, Куккусский (частично), Зельманский (частично) кантоны АССР НП	3.09	742 (2298)
			9.09	755 (2247)
			11.09	761 (2513)
			13.09	765 (2340)
			14.09	771 (2423)
				Всего: 5 эшелонов, 11821 человек

4	Ст. Безымянная	Лизандергейский (частично), Куккусский (частично) кантоны АССР НП	8.09	870 (2520)
			10.09	762 (2468)
			11.09	876 (2488), 759 (2555)
			12.09	767 (2476)
			13.09	883 (2489)
			15.09	794 (2327)
			16.09	780 (2380)
5	Ст. Титоренко	Лизандергейский (частично) кантон АССР НП	7.09	745 (2424)
			9.09	800 (2430)
			Всего: 2 эшелона, 4844 человека	
6	Ст. Нахой	Мариентальский (частично) кантон АССР НП	4.09	804 (2118)
			6.09	807 (2233)
			8.09	746 (2396)
			9.09	756 (2485)
			13.09	882 (2291)
			14.09	885 (2504)
			16.09	766 (2259)
		Всего: 7 эшелонов, 16285 человек		
7	Ст. Урбах	Мариентальский (частично) кантон АССР НП	3.09	856 (2283)
			4.09	860 (2258)
			7.09	744 (2335)
			8.09	871 (2294)

				Всего: 4 эшелона, 9170 человек
8	Ст. Мокроус	Федоровский, Гнаденфлюрский (частично) кантоны АССР НП	6.09	866 (2253)
			8.09	797 (2270), 792 (2333)
				Всего: 3 эшелона, 6856 человек
9	Ст. Плес	Гнаденфлюрский (частично) кантон АССР НП	3.09	857 (2358)
			4.09	803 (2450)
			6.09	865 (2479)
			9.09	799 (2272)
				Всего: 4 эшелона, 9559 человек
10	Ст. Красный Кут	Краснокутский кантон АССР НП	3.09	847 (2137)
			4.09	859 (2456)
			6.09	831 (2489), 864 (2582)
			7.09	868 (2545)
			9.09	849 (2442)
			13.09	801 (2411)
				Всего: 7 эшелонов, 17062 человек
11	Ст. Тимофеевка	Экгеймский (частично) кантон АССР НП	3.09	741 (2512)
			4.09	848 (2358)
			5.09	863 (2489)
				Всего: 3 эшелона, 7359 человек
12	Ст. Лепехинская	Экгеймский (частично), Зельманский (частично) кантоны АССР НП	5.09	805 (2323)
			6.09	830 (2218), 841 (2432)
			8.09	872 (2512)
			9.09	875 (2527)
			12.09	881 (2524)
			13.09	878 (2320)
				Всего: 7 эшелонов, 16856 человек
13	Ст. Гмелинская	Гмелинский, Старо-Полтавский кантоны АССР НП	3.09	822 (2270)
			5.09	806 (2329)
			6.09	840 (2425), 829 (2570)
			8.09	798 (2072)
				Всего: 5 эшелонов, 11666 человек

14	Ст. Палласовка	Палласовский кантон АССР НП	3.09	855 (2167)
			4.09	858 (2321)
			5.09	862 (2328)
			6.09	839 (2310), 808 (2259)
			Всего: 5 эшелонов, 11385 человек	
15	Ст. Медведица	Франкский (частично) кантон АССР НП	3.09	714 (2349)
			5.09	715 (2552)
			8.09	718 (2617)
			12.09	719 (2591)
			13.09	720 (2660), 819 (2362)
			16.09	722 (2683), 721 (2658)
			17.09	712 (3243), 723 (2727)
16	Ст. Неткачево	Франкский (частично) кантон АССР НП	5.09	716 (2795)
			14.09	710 (2594)
			Всего: 2 эшелона, 5389 человек	
17	Ст. Лапшинская	Эрленбахский (частично) кантон АССР НП	7.09	717 (2643)
			Всего: 1 эшелон, 2643 человека	
18	Ст. Авилово	Эрленбахский (частично) кантон АССР НП	5.09	702 (2800)
			8.09	704 (2905)
			9.09	705 (2770)
			Всего: 3 эшелона, 8475 человек	
19	Ст. Камышин	Каменский, Добринский (частично) кантоны АССР НП	3.09	700 (2741)
			5.09	701 (2759)
			7.09	703 (2929)
			10.09	706 (2726)
			11.09	707 (2818)
			12.09	708 (2761)
			14.09	709 (2885)
			16.09	711 (3099)
			Всего: 8 эшелонов, 22718 человек	
20	Ст. Саратов	Саратов, прилежащие районы Саратовской области, прилежащие кантоны АССР НП	5.09	752(2272), 784 (2323)
			7.09	743(2151), 747(2385)
			8.0.9	782(2299)
			9.09	757(2168), 874(2415)
			10.09	877(2386)
			11.09	842(2312)
			12.09	802(2383), 879(2409)
			16.09	888(2362), 895(2260)
21	Ст. Баланда	Баландинский район	16.09	736(2436)

		Саратовской области		Всего: 1 эшелон, 2436 человек
22	Ст. Аркадак	Аркадакский район Саратовской области	16.09	724(3189)
23	Ст. Аткарск	Аткарск и прилежащие к нему районы Саратовской области	16.09 18.09	737(2460) 740(2520)
24	Ст. Бурасы	Северные районы правобережья Саратовской области	16.09	738(2134)
25	Ст. Татищево	Татищевский район Саратовской области	17.09	783(2242)
26	Ст. Курдюм	Центральные районы правобережья Саратовской области	7.09 8.09	785(2403) 786(2509)
27	Ст. Вольск	Г. Вольск, Вольский и Хвалынский районы Саратовской области	11.09	787(2566)
28	Ст. Ершов	Центральные районы левобережья Саратовской области	12.09	788(2368)
29	Ст. Римский-Корсаков	Центральные районы левобережья Саратовской области	12.09	789(2024)
30	Ст. Озинки	Восточные районы левобережья Саратовской области	15.09	790(2376)
31	Ст. Гурьев	Сталинградская область, Эрленбахский и Добринский кантоны АССР НП (частично)	6.09 10.09 11.09 15.09 17.09 1908	731(2200) 725(2325) 726(2682), 727(2200), 728(2350), 729(2350) 730(2223), 732(2462), 733(2205) 734(2177), 735(2048) 735a(1658)
	31 станция	АССР НП, Саратовская и Сталинградская области	С 3.09 – по 20.09	Всего: 12 эшелонов, 26880 человек
				188 эшелонов 451986 человек

**Завершающий этап операции по выселению немцев из Поволжья в сентябре –
октябре 1941 года** ^[127]

№ п/п	Дата прибытия эшелона	Номер эшелона	Кол-во людей в эшелоне	Умерло в пути	Родилось в пути	Отстало в пути	Оставлено в пути	Станция разгрузки	Районы расселения	Примечания
Красноярский край										
1	12.09	820	2482	-	-	-	-	Енисей	Минусинский	
2	12.09	821	2338	1	8	7	-	Канск	Канский, Абанский	
3	14.09	822	2198	-	-	-	-	Енисей	Больше-Муртинский	
4	14.09	841	2432	-	-	-	-	Красноярск	Балахтинский	
5	15.09	823	2316	-	-	-	-	Ужур	Ужурский, Шарыповский	
6	15.09	824	2339	-	-	-	-	Ужур	Шарыповский, Усть-Абаканский	
7	16.09	825	2325	-	-	-	-	Боготол	Боготольский, Тюхтетский	
8	16.09	826	2365	-	-	-	-	Боготол	Тюхтетский, Ачинский	
9	17.09	827	2318	-	-	-	-	Ачинск - 2*	Ачинский, Бирилюсский	
10	18.09	828	2350	-	-	-	-	Ачинск - 2*	Ачинский, Назаровский	
11	18.09	831	2482	-	-	-	-	Канск	Абанский, Дзержинский	
12	18.09	840	2440	-	-	-	-	Енисей	Краснотурайский	
13	19.09	829	2277	-	-	-	-	Ададым	Назаровский, Березовский	
14	19.09	839	2295	-	-	-	-	Енисей	Сухобузинский	
15	21.09	830	2270	-	-	-	-	Енисей	Казачинский	
16	27.09	883	2488	-	-	-	-	Енисей	Вольше-Муртинский, Пировский	
17	30.09	809	2279	-	-	-	-	Енисей	Идринский, Советский	
18	1.10	810	2252	-	-	-	-	Енисей	Новоселовский, Советский	
19	1.10	783	2234	-	-	-	-	Канск	Канский	
20	2.10	811	2399	-	-	-	-	Клюквенная	Солянский, Партизанский	
21	2.10	812	2286	-	-	-	-	Солянка	Ирбейский, Дзержинский	
22	2.10	813	2392	-	-	-	-	Канск	Тасеевский,	

23	2.10	814	2433	-	-	-	-	Шира	Дзержинский Ширинский, Енисейский	
24	2.10	816	2416	-	-	-	-	Абакан	Аскизский., Бейский	
25	2.10	817	2503	-	-	-	-	Козульки	Козульский, Даурский	
26	3.10	836	2300	-	-	-	-	Бугач	Емельяновский, Иланский	
27	3.10	837	2296	-	-	-	-	Камарчага	Майский, Ильинский	
28	4.10	815	2180	-	-	-	-	Бугач*	Емельяновский, Ени- сейский, Советский	
29	4.10	818	2220	-	-	-	-	Сон*	Боградский, Курагинский	
30	4.10	819	2362	-	-	-	-	Клюквенная*	Рыбинский, Солян- ский	
31	4.10	832	2229	-	-	-	-	Красная Соп- ка*	Березовский, Каратунский	
32	4.10	834	2213	-	-	-	-	Заково Ниж. Ингаш	Советский, Нижне- Ингашский	
33	5.10	833	2622	-	-	-	-	Клюквенная	Стоянский, Уярский	
34	5.10	835	2162	-	-	-	-	Сон	Боградский	
12.09 — 5.10		34 эше- лона	79493 чел.					18 станций 43 района		
Алтайский край										
1	11.09	857	2358	2	-	-	-	Барнаул	Каменский	
2	12.09	856	2218	-	-	-	1	Овчинниково	Кытмановский	
3	13.09	855	2171	-	-	9	-	Бийск	Смоленский	
4	14.09	858	2314	2	-	-	-	Третьяково	Змеиногорский	
5	14.09	860	2338	-	-	-	-	Алейск	Мамонтовский	
6	15.09	861	2318	-	-	-	-	Алейск	Алейский	
7	15.09	865	2427	-	-	2	-	Барнаул	Каменский, Панкрушихинский	
8	16.09	862	2328	-	-	-	-	Рубцовск	Рубцовский	
9	16.09	864	2601	-	-	-	-	Поспелиха	Поспелихинский, Курьинский	
10	17.09	866	2255	-	-	-	-	Тальменка	Залесовский	

11	18.09	863	2489	-	-	-	-	Славгород	Славгородский	
12	18.09	867	2340	-	-	-	-	Поспелиха, Рубцовск	Новочихинский, Егорьевский	
13	19.09	868	2147	7	-	6	-	Бийск	Алтайский, Солонешнинский	
14	19.09	869	2388	13	-	-	-	Топчиха	Топчихинский	
15	19.09	870	2538	-	-	-	-	Алтайск*	Барнаульский, Троиц- кий	
16	20.09	859	2418	-	-	-	-	Славгород	Знаменский, Хабарский	
17	20.09	871	2278	3	3	-	-	Алейск	Парфеновский	
18	22.09	876	2419	4	3	2	-	Барнаул	Залесовский, Думчевский	
19	22.09	874	2415	-	-	-	-	Бийск	Зональный, Ельцовский	
20	23.09	873	2342	-	-	-	-	Тальменская	Тальменский	
21	23.09	881	2615	-	-	-	-	Алейск	Усть-Калманковский,	
22	24.09	872	2511	-	-	-	-	Карасук	Карасукский	Ныне: Новосиб ирская обл
23	25.09	882	2210	-	-	-	-	Овчинниково	Косихинский	
24	25.09	887	2422	-	-	-	-	Топчиха	Грязнухинский, Тогульский	
25	25.09	877	2391	-	-	-	-	Кулунда	Завьяловский	
26	26.09	875	2527	-	-	-	-	Кулунда	Благовещенский, Волчихинский	
27	26.09	886	2328	-	-	-	-	Бийск	Морушкинский, Ельцовский	
28	26.09	888	2362	-	-	-	17	Топчиха	Ребрихинский	
29	27.09	838	2048	-	-	-	-	Кулунда	Ключевский, Михайловский	
30	27.09	885	2501	-	-	-	-	Кулунда	Кулундинский, Родинский	
31	28.09	878	2303	-	-	-	-	Карасук	Красноозерский	Ныне: Новосиб ирская обл.
32	29.09	889	2308	-	-	-	-	Алтайская	Сорокинский, Харкинский, Павловский	
33	29.09	892	2370	-	-	-	-	Барнаул	Сорокинский,	

34	30.09	891	2456	-	-	-	-	Калманка	Павловский Калманский, Андреевский	
11.09 – 30.09		34 эше- лона.	80454 чел.					14 станций	47 районов	
Омская область										
1	9.09	742	2382	-	-	-	-	Омск	Тарский, Тевризский	
2										
2	10.09	741	2335	-	-	-	-	Омск	Больше-Реченский	
3	10.09	714	2303	-	-	-	-	Тюмень	Тюменский, Тобольский	Ныне: Тюменс кая обл.
4	11.09	700	2855	-	-	-	-	Колония	Калачинский, Ново- Омский	
5	13.09	716	2795	-	-	-	-	Марьяновская	Исиль-Кульский, Полтавский	
6	13.09	702	2585	-	-	-	-	Исиль-Куль	Исиль-Кульский	
7	14.09	701	2629	-	-	-	-	Куломзино	Черлакский, Дробышевский	
8	14.09	715	2258	-	-	-	-	Куломзино	Таврический, Азовский	
9	15.09	717	2633	-	-	-	-	Тюмень	Тюменский, Ярковский	Ныне: Тюменс кая
10	16.09	703	2703	-	-	-	-	Куломзино	Азовский, Павлоградский	
11	17.09	704	2959	-	-	-	-	Куломзино	Русско-Полянский, Молотовский	
12	18.09	705	2780	-	-	-	-	Называевская	Тюкалинский, Солдатский	
13	20.09	706	2660	-	-	-	-	Омутинская	Юргинский, Армиэонский	Ныне: Тюменс кая обл.
14	20.09	718	2052	-	-	-	-	Ишим	Викуловский, Бердюжский	Ныне: Тюменс кая обл.
15	21.09	707	2687	-	-	-	-	Голышманово	Голышмановский, Аромашевский	Ныне: Тюменс кая обл.
16	22.09	708	2499	-	-	-	-	Ишим	Сорокинский, Казан-	Ныне:

17	22.09	719	2602	-	-	-	-	Куломзино	Саргатский, Дзержинский	Тюменская обл.	
18	22.09	736	2436	-	-	-	-	Исиль-Куль	Исиль-Кульский, Полтавский		
19	25.09	709	2918	-	-	-	-	Тюмень	Нижне-Тавдинский, Вилижанский, Ярковский	Ныне: Тюменская обл.	
20	25.09	895	2276	-	-	-	-	Ольгино	Москаленский		
21	26.09	724	3189	-	-	-	-	Ялуторовск	Ялуторовский, Исетский	Ныне: Тюменская обл.	
22	26.09	710	2603	-	-	-	-	Куломзино	Саргатский, Горьковский		
23	26.09	712	2676	-	-	-	-	Называевская	Крутинский, Называевский		
24	26.09	720	2658	-	-	69	-	Ишим	Ишимский	Ныне: Тюменская обл.	
25	26.09	723	3173	-	-	-	-	Куломзино	Знаменский, Большеуковский, Усть-Ишимский		
26	26.09	737	2456	-	-	-	-	Куломзино	Седельниковский, Колосовский		
27	26.09	738	2155	-	-	-	-	Куломзино	Москаленский		
28	27.09	711	2681	-	-	-	-	Заводоуковск	Ялуторовский, Упоровский	Ныне: Тюменская обл.	
29	27.09	739	2075	-	-	-	-	Калачинск	Оконешниковский, Кормиловский		
30	28.09	740	2520	-	-	-	-	Куломзино	Ульяновский, Любинский		
31	28.09	721	2712	-	-	-	-	Маслянская	Маслянский, Абатский	Ныне: Тюменская обл.	
32	29.09	722	2668	-	-	-	-	Называевская	Называевский		
9 - 29.09		32 эшелона.	82943 чел.					15 станций	50 районов		
Новосибирская область											
1	17.09	752	2280	-	-	-	-	Томск	Томский	Ныне: Томская обл.	
2	18.09	743	2252	2	6	-	2	Чулымская	Чулымский		
3	19.09	744	1694	-	-	-	-	Черепаново	Черепановский		

4	19.09	747	2341	-	-	-	-	Ояш	Ояшский	
5	20.09	782	2299	-	-	-	-	Евсеево	Легоставский	
6	20.09	746	2345	3	8	-	1	Каргат	Каргатский	
7	20.09	479	2950	-	-	-	-	Кольчугино	Крапивинский	Ныне: Кемеровская обл.
8	23.09	748	2054	-	-	-	-	Яшкино	Яшкинский	Ныне: Кемеровская обл.
9	23.09	750	2568	2	6	-	2	Анжеро-Судженск	Анжеро-Судженский	Ныне: Кемеровская обл.
10	23.09	753	2333	2	5	2	-	Каргат	Кочковский	
11	23.09	755	2352	5	2	-	1	Татарок	Усть-Тарский	
12	23.09	761	2222	4	-	4	-	Топки	Топкинский	Ныне: Кемеровская обл.
13	24.09	745	2455	3	1	7	-	Чаны	Вешеровский	
14	24.09	754	2266	3	1	7	-	Кажурла	Михайловский	
15	24.09	726	2446	6	6	4	-	Чаны	Чановский	
16	24.09	763	2346	-	-	-	-	Новосибирск	Сузунский	
17	25.09	759	2565	2	5	2	-	Юрга	Юргинский	
18	25.09	767	2474	3	4	3	-	Барабинск	Барабинский	
19	26.09	751	3106	5	-	3	-	Купино	Купинский	
20	26.09	764	2079	5	-	-	-	Чулым	Чулымский	
21	26.09	765	3292	1	2	-	-	Тяжин	Тисульский	Ныне: Кемеровская обл.
22	26.09	769	2300	9	6	4	-	Новосибирск	Кожевниковский	Ныне: Томская обл.
23	26.09	770	2424	7	5	4	-	Машково	Машковский	
24	26.09	772	3102	3	-	16	-	Ижморская	Ижморский	
25	26.09	775	2308	-	-	-	-	Черепаново	Маслянский	
26	26.09	779	2360	-	-	-	-	Искитим	Искитимский, Черепановский	
27	1.10	776	2377	-	-	-	-	Убинское	Убинский	
28	27.09	780	2279	-	-	-	-	Коченево	Коченевский	
29	27.09	774	2501	-	-	-	-	Тогучин	Тогучинский	

30	27.09	757	2168	-	-	-	-	Новосибирск	Новосибирский	
31	29.09	756	2485	4	8	-	-	Каинск	Куйбышевский	
32	29.09	771	2327	-	-	-	-	Чистоозерная	Чистоозерский	
33	29.09	773	2240	4	3	1	-	Татарск	Усть-Тарский	
34	29.09	781	2454	3	-	1	-	Тяжин	Тяжинский	
35	30.09	766	2121	7	7	-	-	Барабинск	Здвинский	
36	30.09	777	2213	-	-	-	-	Болотная	Болотинский	
37	30.09	778	2307	3	-	12	-	Каргат	Довольненский	
17.09—1.10		37 эшелона	88685 человек					28 станций	35 районов	
Кустанайская область										
1	9.09	803	2450	-	-	-	-	Кустанай	Кустанайский	
2	9.09	804	2201	-	-	-	-	Кустанай	Затобольский	
3	11.09	805	2321	-	-	-	-	Кустанай	Межигаринский, Карасу- Базарский	
4	11.09	806	2323	-	-	-	-	Джаркуль	Пешковский, Федоровский	
5	12.09	807	2247	-	-	-	-	Разъезд № 6	Орджоникидзевский	
6	13.09	808	2274	-	-	-	-	Бреды*	Джетыгаринский, Ор- джони- кидзевский, Тарановский	
7	18.09	802	2383	-	-	-	-	Аман, Карагай	Кустанайский	
9—18.09		7 эшелон.	16199 человек					6 станций	9 районов	
Павлодарская область										
1	15.09	784	2312	-	-	-	-	Павлодар	Иртышский	
2	17.09	791	2271	1	-	2	1	Шербакты	Чупринский*	
3	18.09	785	2403	1	-	2	-	Красноармейк а	М.-Горьковский	
4	19.09	788	2368	6	4	4	2	Павлодар	Лебяжинский, Куйбышев- ский, Кагановический,	
5	19.09	789	2020	1	8	4	-			
6	20.09	787	2566	-	-	-	-	Кутвино	Бурлюковский, Павлодарский	
7	23.09	790	2376	-	-	-	-	Каргомыс	Лизовский, Урлюдюковский,	
8	25.09	786	2509	3	3	2	-	Павлодар	Шурупинский	
9	1.10	792	2333	-	4	-	-	Павлодар Туз-Кола	Павлодарский Павлодарский Лозовский	

15.09— 1.10		9 эшелона	21158 человек					6 станций	12 районов		
Акмолинская область											
1	12.09	848	2355	4	-	17	1	Масленка	Масленский	Ныне: Кокчетавская обл.	
2	13.09	847	2313	-	-	4	-	Кокчетав	Зерендинский		
3	18.09	849	2448	-	3	2	-	Кокчетав	Арык-Балыкский, Рузаевский		
4	20.09	850	2135	-	2	8	-	Курорт-Боровое	Щучинский		
5	22.09	846	2326	-	2	6	5	Масленка	Масленский, Энбекшильберский		
6	22.09	853	2378	-	-	-	-	Атбасар	Атбасарский		
7	25.09	843	2337	1	1	4	-	Атбасар	Атбасарский		
8	25.09	844	2360	1	1	7	10	Ак-Куль	Сталинский		
9	27.09	845	2354	2	2	2	-	Колутон	Калининский		
10	27.09	852	2319	-	-	-	-	Джаксы	Есильский		
11	27.09	851	2362	3	-	7	-	Атбасар	Молотовский		
12	28.09	854	2411	-	-	-	-	Кокчетав	Рузаевский, Арык-Балыкский		Ныне: Кокчетавская обл.
12 - 28.09		12 эшелонов.	28098 человек					7 станций	11 районов		
Северо-Казахстанская область											
1	15.09	797	2273	-	-	-	-	Кокчетав	Кокчетавский	Ныне: Кокчетавская обл.	
2	17.09	800	2420	-	-	-	-	Петухово	Пресновский	Ныне: Кокчетавская обл.	
3	19.09	842	2312	4	2	2	2	Кокчетав	Малиновский		
4	20.09	798	2090	-	-	-	-	Петропавловск	Петропавловский		
5	20.09	801	2418	-	-	-	-	Смирновская	Советский		
6	22.09	793	2332	-	-	2	-	Кокчетав	Кокчетавский		

7	24.09	795	2376	-	-	11	-	Кокчетав	Кокчетавский	вская обл. Ныне: Кокчетавская обл.
8	26.09	799	2282	-	-	5	-	Мамлютка	Октябрьский	
9	28.09	796	2352	-	-	-	-	Кокчетав	Айратаусский	Ныне: Кокчетавская обл.
10	29.09	794	2328	-	-	-	-	Петухово	Пресновский	
15—29.09		10 эшелонов.	23183 чел.					5 станций	7 районов	

Семипалатинская область

1	14.09	731	2200	-	-	-	-	Семипалатинск	Семипалатинский	
2	20.09	727	2200	-	-	-	-	Семипалатинск	Семипалатинский	
3	20.09	729	2350	-	-	-	-	Семипалатинск	Новопокровский	
4	23.09	879	2406	4	3	3	-	Семипалатинск	Кокпектинский	
5	24.09	732	2197	-	-	-	-	Семипалатинск	Бельгагачский	
6	24.09	733	2205	-	3	5	-	Семипалатинск	Аягузский	
7	26.09	734	2177	3	3	4	-	Жангиз-Тобе	Кокпектинский	
8	27.09	725	2325	-	-	17	-	Бельгагачский	Семипалатинский	
9	27.09	735	2052	3	3	4	-	Аягуз Жангиз-Тобе Семипалатинск Чарская	Чарский	
14.09-27.09		9 эшелонов	20112 человек					5 станций	6 районов	

Восточно-Казахстанская область

1	23.09	728	2350	-	-	-	-	Защита	Усть-Каменогорский	
2	24.09	726	2682	-	-	-	-	Предгорное	Глубоковский	
3	24.09	730	2223	-	-	-	-	Шемонаиха	Шемонаихинский	
4	27.09	735a	1658	-	-	-	-	Шемонаиха	Новошуйбинский	Семипалатинской обл.
23.9 – 27.09		4 эшелона	8913 человек					3 станции	4 района	

Общий итог

9.09—5.10	188 эшелонов	440238 человек		107 станций	2 республики, 2 края 8 областей, 224 района	Ныне: 2 государства, 2 края, 12 областей
------------------	---------------------	-----------------------	--	--------------------	--	---

Примечания:

1. Прочерк в графах 5-8 означает отсутствие данных.

2. Знаком * обозначается основная станция выгрузки; часть семей с данного эшелона выгружалась на других, близлежащих, станциях.

^[11] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 384-385..

^[12] Подробнее см.: «Поверните ваше оружие...» (Использование поволжских немцев в контрпропаганде на население и вооруженные силы Германии летом 1941 г. / Публикация документов А. А. Германа // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 274-294; Герман А. А. Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 345-347.

^[13] О противодействии немцев слому традиционных устоев жизни пишут практически все авторы, исследующие историю этнических немцев России в XX веке (А. Айсфельд, Л. Белковец, В. Бруль, Н. Вашкау, А. Герман, О. Лиценбергер, Н. Осташева (Венгер), И. Черказынова и др.)

^[14] К такому выводу, в частности, пришла М. В. Егорова, впервые проведя комплексное исследование всех форм противодействия этнических немцев Поволжья мероприятиям большевицкой власти. См.: Егорова М. В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни (1918-1941 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

^[15] Подробнее см.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. 2. Автономная республика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 183-188.

^[16] Подробнее см.: Герман А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевицкого режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999; Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Там же. С. 75-83; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Там же. С. 35-74.

^[17] См.: Ионг де Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М.: Инстр. литература, 1958. С. 47.

^[18] См.: Герман А. А. Большевицизм и немецкая автономия на Волге. С. 12-14.

^[19] См.: Ионг де Л. Указ. соч. С. 102-108, 127, 139-140, 153-155, 164- 170, 177, 180-182, 209.

^[10] Там же. С. 358, 359.

^[11] Как правило, на сотрудничество с оккупантами шли люди, жестоко пострадавшие от советской власти в годы коллективизации и массовых репрессий 1930-х гг. См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.98, 99, 390; Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И.Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С.120; Gerlach Н. Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs.– Kirchheimbolanden, 1992. S.94 и др.

^[12] См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Начало. 22 июня-31 августа 1941 г.. М.: «Русь», 2000. С. 447-448.

^[13] В 1918 г. по инициативе С. Орджоникидзе из станиц Сунженской линии были выселены терские казаки, а их земля передана ингушам и чеченцам; в 1920-е годы из Средней Азии были выселены многие русские семьи, а их земля передана местному населению; в начале 1930-х гг. в отдаленные районы СССР были переселены многие тысячи раскулаченных крестьянских семей; в 1936 г. из западных приграничных регионов в Казахстан было переселено 15 тыс. польских и немецких семей; в конце 1930-х гг. из

приграничных регионов Дальнего Востока в Казахстан были переселены этнические корейцы.

^[14] См.: Бугай Н. Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 173.

^[15] См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге... Часть 2... С. 283.

^[16] См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

^[17] См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-6. Постановление опубликовано. См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229 – 233.

^[18] См.: Бугай Н. Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...». С. 173; Кичихин А. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 33.

^[19] См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 276; Д. 5034. Л. 15 - 19.

^[20] См.: Иосиф Сталин - Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 7, 40.

^[21] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

^[22] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

^[23] См.: Там же.

^[24] Там же.

^[25] См.: Там же. Л. 7-11. Инструкция опубликована. См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 233 – 236.

^[26] См.: Там же. Л. 12-16.

^[27] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. С. 7-11.

^[28] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 12-16.

^[29] См.: Там же. Л. 17.

^[30] См.: *Departation aus Bangerdt, kanton Kukkus // Heimatbuch der deutschen aus Rußland. 1973 - 1981. Stuttgart, 1981- S. 37.*

^[31] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.

^[32] См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1а. Особая папка. Д. 5. Л. 7 - 9; Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 364 - 367.

^[33] См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4836. Л. 23.

^[34] Полностью документ см.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41—43.

^[35] Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41-43.

^[36] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. // История СССР. 1991. № 1. С. 144 - 145.

^[37] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 1042. Л. 3, 112.

^[38] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

^[39] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 5.

^[40] Там же.

^[41] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 6.

^[42] Там же. Л. 6 - 7.

^[43] Там же. Л. 7.

^[44] Там же. Л. 8.

^[45] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32.

^[46] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 25.

^[47] См.: Там же. Л. 26.

^[48] По воспоминаниям переселенцев (личный архив автора).

^[49] См.: Личный архив автора.

- ^[50] См.: Приложение 1.
- ^[51] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.
- ^[52] См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 398 - 399.
- ^[53] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 277 - 278.
- ^[54] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 65, 67.
- ^[55] См.: Приложение 1.
- ^[56] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 34.
- ^[57] См.: ГАНИСО. Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 421; Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: В 4-х т. Т. 1: 1938— 1975. М.: Известия, 1975. С. 81
- ^[58] См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2338. Л. 20, 21.
- ^[59] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 39 - 40.
- ^[60] См.: Там же. Л. 106, 107, 108, 109, 110.
- ^[61] См.: Там же. Л. 43, 44.
- ^[62] См.: Кичихин А. Указ. соч. С. 36; Бугай Н. Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» С. 173; Иосиф Сталин - Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 75.
- ^[63] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 114. Л. 139.
- ^[64] См.: Там же. Д. 85. Л. 34 – 35.
- ^[65] Личный архив автора.
- ^[66] См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 25.
- ^[67] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 112.
- ^[68] Там же. Л. 90.
- ^[69] См.: Там же. Л. 102.
- ^[70] См.: приложение 2.
- ^[71] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 120.
- ^[72] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 136.
- ^[73] Там же. Л. 172.
- ^[74] Там же. Л. 138.
- ^[75] См.: Там же. Л. 147.
- ^[76] Подсчёт сделан автором на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208 - 218; Д. 85. Л. 106 - 110, 178; Д. 114. Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242— 244.
- ^[77] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 122.
- ^[78] Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» М., 1995. С. 39.
- ^[79] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 123.
- ^[80] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 205.
- ^[81] См.: Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 45; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 117.
- ^[82] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 203.
- ^[83] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 116. Л. 43.
- ^[84] См.: Приложение 2.
- ^[85] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.
- ^[86] См.: Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 195, 196; Д. 12. Л. 176.
- ^[87] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 297.
- ^[88] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 169 - 170.
- ^[89] Там же. Л. 139 - 140.
- ^[90] См.: Там же. Л. 170.
- ^[91] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 140.
- ^[92] Там же. Д. 85. Л. 2.
- ^[93] См.: Там же. д. 83. Л. 169.

^[94] Там же. Л. 170, 171.

^[95] Там же. Л. 170.

^[96] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. Д. 85. Л. 84.

^[97] Там же. Д. 84. Л. 137.

^[98] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 138.

^[99] Там же.

^[100] Там же. Л. 78, 79.

^[101] Там же. Д. 85. Л. 272.

^[102] См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 201; Д. 84. Л. 138.

^[103] Там же. Д. 84. Л. 78.

^[104] См.: Там же. Д. 85. Л. 120.

^[105] Там же. Л. 114.

^[106] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 85, 87 - 88.

^[107] Там же. Л. 93.

^[108] См.: Там же. Д. 83. Л. 194.

^[109] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 176; Д. 84. Л. 139; Д. 85. Л. 271.

^[110] Там же. Д. 83. Л. 173; Д. 85. Л. 91.

^[111] Там же. Д. 83. Л. 175, 176.

^[112] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 86, 272.

^[113] Там же. Д. 84. Л. 82.

^[114] Там же. Д. 83. Л. 173.

^[115] Там же. Д. 83. Л. 174; Д. 84. Л. 140.

^[116] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 140.

^[117] Там же. Л. 143.

^[118] Там же. Д. 85. Л. 92.

^[119] Там же. Л. 91.

^[120] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 259-286.

^[121] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 29.

^[122] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 94.

^[123] О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 13 декабря 1955 г. // История российских немцев в документах /Сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М., 1993. С. 177.

^[124] См.: О внесении изменений в Указ Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»: Указ Президиума верховного совета СССР. 29 августа 1964 г. // История российских немцев в документах. С. 178-179.

^[125] См.: О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР. 3 ноября 1972 г. // История российских немцев в документах. С. 179.

^[126] Таблица составлена автором на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208 - 218; Д. 85. Л. 106 - 110, 178; Д. 114, Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242 - 244, а также по воспоминаниям депортированных.

^[127] Таблица составлена автором на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208 - 218; Д. 85. Л. 106 - 110, 178; Д. 114, Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242 - 244, а также по воспоминаниям депортированных.